

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 32 (3688)

Четверг, 14 марта 1957 г.

Цена 40 коп.

К 40-летию ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

БОЛЬШОГО РАСЦВЕТА

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАЗАХСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.
 * Завершается полный перевод «Тихого Дона».
 * Фестиваль «Театральная весна Казахстана» — в Москве и Ленинграде.
 * В Кореинском и Уйгурском театрах.
 * Создается Государственный симфонический оркестр.

В апреле начнет выходить теоретический журнал «Вопросы литературы» — орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы имени А. М. Горького. В беседе с нашим корреспондентом главным редактором журнала А. Деминцевым рассказали:

— Это будет журнал теории и истории литературы, литературной критики. Мы считаем, что такое соединение поможет литературе стать ближе к запросам современного литературного движения, к критике приобрести большую глубину и научность.

В журнале будут печататься статьи по теоретическим проблемам литературоведения, по истории русской литературы и литературы народов СССР, по истории зарубежной литературы. В ближайших номерах журнала большое место мы думаем уделить проблемам реализма и социалистического реализма, помещая на эту тему ряд статей, порой дискуссионного характера. Полагаю, что следует организовать особое внимание на разработку вопросов художественной формы, стиля, литературного языка.

Значительное место в журнале займут, естественно, история советской литературы и литературная критика. Как правило, мы не предполагаем отключаться на отдельные художественные произведения, а будем помещать проблемные статьи по общим вопросам современного литературного движения.

Журнал предполагает рецензировать и аннотировать на своих страницах книги советских и зарубежных литературоведов и критиков, давать обзоры научных записок, зарубежных литературоведческих изданий.

Немаловажное значение мы придаем разделу «Материалы и документы». Журнал будет публиковать в нем письма, дневники, воспоминания и другие материалы по истории классической и советской литературы.

Раздел хроники будет информировать читателей о деятельности институтов Академии наук СССР, кафедр литературы университетов и педагогических институтов Москвы, Ленинграда, союзных республик, областных центров, а также о работе союзных писателей и издателей.

Мы надеемся, что удастся развернуть живые и содержательные дискуссии. Главная задача журнала — способствовать дальнейшему развитию литературоведения и критики. Решая ее, «Вопросы литературы» будут активно бороться с буржуазными взглядами, выступать против попыток опорочить марксистско-ленинскую эстетику, теорию литературы.

Редакция убеждена, что успешная работа в этом направлении возможна только при условии, если в ней примут участие самые широкие круги советских ученых, литературоведов, критиков, писателей. Редакция надеется в дальнейшем привлечь к сотрудничеству в журнале ряд зарубежных ученых-филологов и критиков.

Журнал будет выходить ежемесячно, его объем — 16 печатных листов, тираж — 50 тысяч экземпляров.

Вопрос. Чем порадует зрителей казахская кинематография?
Ответ. В нашей киноиндустрии недавно закончена работа над фильмами «Мы здесь живем» (сценарий В. Абызова и Ш. Хусанова) и «Крылатый подарок» (сценарий М. Зверева и В. Шрейбера). Дублированы на казахский язык фильмы «Ленин в 1918 году», «Воскресший гарнизон», «Мать» и много других.

Сейчас киностудия работает над фильмом «Еотагоз» (по одноименному роману С. Муканова, сценарий А. Филиппова и М. Хасенова, режиссер Е. Арон) и «Чокан Валиханов» (сценарий М. Блеймана и С. Ермолинского, режиссер М. Бегалин).

АЛМА-АТА. (Наш корр.)

Новый журнал «Вопросы литературы»

В апреле начнет выходить теоретический журнал «Вопросы литературы» — орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы имени А. М. Горького. В беседе с нашим корреспондентом главным редактором журнала А. Деминцевым рассказали:

— Это будет журнал теории и истории литературы, литературной критики. Мы считаем, что такое соединение поможет литературе стать ближе к запросам современного литературного движения, к критике приобрести большую глубину и научность.

В журнале будут печататься статьи по теоретическим проблемам литературоведения, по истории русской литературы и литературы народов СССР, по истории зарубежной литературы. В ближайших номерах журнала большое место мы думаем уделить проблемам реализма и социалистического реализма, помещая на эту тему ряд статей, порой дискуссионного характера. Полагаю, что следует организовать особое внимание на разработку вопросов художественной формы, стиля, литературного языка.

Значительное место в журнале займут, естественно, история советской литературы и литературная критика. Как правило, мы не предполагаем отключаться на отдельные художественные произведения, а будем помещать проблемные статьи по общим вопросам современного литературного движения.

Журнал предполагает рецензировать и аннотировать на своих страницах книги советских и зарубежных литературоведов и критиков, давать обзоры научных записок, зарубежных литературоведческих изданий.

Немаловажное значение мы придаем разделу «Материалы и документы». Журнал будет публиковать в нем письма, дневники, воспоминания и другие материалы по истории классической и советской литературы.

Раздел хроники будет информировать читателей о деятельности институтов Академии наук СССР, кафедр литературы университетов и педагогических институтов Москвы, Ленинграда, союзных республик, областных центров, а также о работе союзных писателей и издателей.

Мы надеемся, что удастся развернуть живые и содержательные дискуссии. Главная задача журнала — способствовать дальнейшему развитию литературоведения и критики. Решая ее, «Вопросы литературы» будут активно бороться с буржуазными взглядами, выступать против попыток опорочить марксистско-ленинскую эстетику, теорию литературы.

Редакция убеждена, что успешная работа в этом направлении возможна только при условии, если в ней примут участие самые широкие круги советских ученых, литературоведов, критиков, писателей. Редакция надеется в дальнейшем привлечь к сотрудничеству в журнале ряд зарубежных ученых-филологов и критиков.

Журнал будет выходить ежемесячно, его объем — 16 печатных листов, тираж — 50 тысяч экземпляров.

Вопрос. Чем порадует зрителей казахская кинематография?
Ответ. В нашей киноиндустрии недавно закончена работа над фильмами «Мы здесь живем» (сценарий В. Абызова и Ш. Хусанова) и «Крылатый подарок» (сценарий М. Зверева и В. Шрейбера). Дублированы на казахский язык фильмы «Ленин в 1918 году», «Воскресший гарнизон», «Мать» и много других.

Сейчас киностудия работает над фильмом «Еотагоз» (по одноименному роману С. Муканова, сценарий А. Филиппова и М. Хасенова, режиссер Е. Арон) и «Чокан Валиханов» (сценарий М. Блеймана и С. Ермолинского, режиссер М. Бегалин).

АЛМА-АТА. (Наш корр.)

В БОЛЬШОМ КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, третий день работает сессия Верховного Совета Российской Федерации. Депутатам предстоит обсудить и утвердить Государственный план развития народного хозяйства и Государственный бюджет республики на 1957 год; образовать постоянные комиссии; утвердить Конституцию Карельской АССР и Указы Президиума Верховного Совета РСФСР; расширить состав Президиума; избрать Верховный суд РСФСР.

В Большом Кремлевском дворце. Заседание сессии Верховного Совета РСФСР. Фото В. ЕГОРОВА и Н. СТИНКИОВА

Доклады по первому вопросу порядка дня заняли все утреннее заседание 12 марта. Председатель Совета Министров РСФСР М. Янов ознакомил депутатов с планом развития народного хозяйства республики, а министр финансов И. Фадеев — с бюджетом на этот год. С докладом выступил председатель Бюджетной комиссии И. Сиданов.

М. Янов привел много ярких фактов дальнейшего роста народного хозяйства Российской Федерации. Ее промышленность увеличилась в прошлом году выпуском продукции на десять процентов, а сельское хозяйство дало государству более двух миллиардов пудов хлеба — столько, сколько было затребовано по плану СССР в 1953 году. Касаясь благосостояния советских людей, М. Янов сообщил, что в связи с введением нового Закона о пенсиях с 1 октября 1956 года восемь с лишним миллионов человек получают увеличенные пенсии, кроме того, вновь стали получать пенсии 700 тысяч человек.

1957 год будет годом дальнейшего роста всего народного хозяйства республики. Больше, чем в прошлом году, будут вырабатываться ее предприятия промышленной продукции (добыча нефти, например, возрастет на 20 процентов, производство тракторов — на 17 процентов и т. д.

т. п.). Больше будет выпускаться продовольственных товаров и товаров широкого потребления. Рост доходов республики даст возможность увеличить ассигнования на жилищное строительство, благоустройство городов, рабочих поселков, районных, сельских центров, на культурные нужды. Как сообщил в своем докладе И. Фадеев, 94 процента всех бюджетных ассигнований пойдет в этом году на народное хозяйство и культуру.

На сессии развернулись прения по первому вопросу порядка дня.

«Направляется по принадлежности...»

В ПОЧТЕ, приходящей в редакцию, немало жалоб на то, что письма, адресованные во многие центральные учреждения, переслаиваются обратно, в местные организации. Из республиканского центра в область, откуда в район — так движется письмо по административной лестнице все вниз и вниз, пока не доходит до того звена, конторы, колхоза, откуда отправлено. Друг замыкается. Как пишет один из наших читателей, «все инстанции отреагировали, а дела нет».

Вот мы и решили войти внутрь этого круга и попробовать разобраться в причинах стольких жалоб путешественников. В канцелярии канцелярии Министерства высшего образования СССР, как и все посетители, я попала сразу, порадовавшись доброму порядку — отсутствию неумолимого секретаря и прямого телефону, лабра номер которого вы слышите спокойно, располагающий голос: «Начальник канцелярии Клешиной слушает». Товарищ Клешиной выслушала и мою просьбу — разрешить познакомиться с почтой министерства. Да, да, только он должен поставить об этом в известность... министра, товарища Елютина. Когда через два дня я снова вошла к начальнику канцелярии, он был не менее доброжелателен, произнося: «К сожалению, мы должны отказать вам. Мы не можем пойти на нарушение суверенитета министерства...»

Следующим было Министерство просвещения РСФСР. Здесь пресбыла редакция была удовлетворена и разрешена получена.

ВЕРОЯТНО, ревизор не нашел бы в этом министерстве пиццы для докладной записки. Как детали на хорошо налаженном конвейере, письма движутся из экспедиции в отделы ритмично, не выходя из графика, по путям, отшлифованным временем и опытом. Утром принесенное почтальоном в экспедицию письмо уже днем лежит на столе у соответствующего инспектора соответствующего управления. Проходит шесть, восемь, редко десять дней, и тем же путем на почтальот уходит ответ. Через год вам понадобится разыскать письмо — пожалуйста. В книгах входящей почты — порядковый номер, в папках — копия ответа. Все записано, все подшито.

Такого порядка, при котором ни одна жалоба не задерживается, забывая, в столе, ни один документ не затеряется, добиваясь долгие годы. А сегодня образцовое делопроизводство уже стало для многих министерств традицией, хорошей традицией, которая должна, казалось бы, помогать делу...

Перелистаем аккуратные папки, возьмем несколько бланков-глубоких истрепанных дальних дорогих конвертов.

Рабочие МТС просят открыть школу рабочей молодежи. Учителя Дроновской школы жалуются на плохое снабжение топливом. Двух девочек не снабдили вещами при выпуске из детского дома. Уборщица сельской школы пишет о том, что директор присваивает себе дрова, полученные школой, и малыши мерзнут, что за плохое поведение их сажает в темный чулан. Ученик шестого класса заступился за се-

воспитывают и учат ребят, как живут учителя, хватает ли им еды и дров, доводили ли матери и отцы успехами своих детей. Отделы должны решать тысячи ежедневно возникающих больших и малых проблем — права на это им даны.

Отдел народного образования — это и отдел исполкома, хозяин народного образования в своем городе, районе, областном знании людей, прислушиваясь к их мнению, помогать им. Если этого нет, люди начинают писать в Москву. И пусть в таких заявлениях рассказывается о делах сугубо личных, пусть нет в них обещаний в адрес районных организаций, все равно это жалоба на местные органы народного образования, на их оторванность от школ и учителей. Люди обращаются в министерство, минуя районные и областные организации. Значит, чем-то покороблена вера этих людей в оперативность местных работников, в их желание и умение выслушать и быстро помочь.

А сотрудники министерства? Вряд ли кому-нибудь придет в голову вменить им в обязанность расследовать все жалобы своими силами. Это физически невозможно. Но можно ли считать нормальным положение, при котором только одно Министерство просвещения РСФСР возвращает ежегодно на места десятки тысяч писем. А если подсчитать, сколько их отправляют из всех министерств?! Происходит колоссальная растрата человеческих сил, времени, наконец, государственных денег.

Письма идут по кругу. Вряд этот круг надо в министерском «звене».

Прежде всего — почта должна подсказывать министерству организационные и административные меры, которые заставили бы местных работников быстро и четко решать местные дела.

Ведь собранные воедино, глубоко проанализированные, творчески обдуманные оштылыми педагогами — их в министерстве немало, — письма представляют бесценный фактический материал, позволяющий делать серьезные выводы.

Когда читаешь письма с Кольского полуострова, Алтая, Смоленщины, Урала, Сибири, когда одновременно «видишь» десятки областей, сотни школ, тысячи судеб, письма начинают рассказывать то, о чем в них прямо и не говорится.

При внимательном, чутком чтении и обнаружении те самые проблемы и просчеты, которые рождают этот поток писем. За одной группой жалоб последует командировка сотрудника министерства, за другой — письмо в облисполком, а за третьей, после глубокого изучения — приказ министерства, имеющий в виду помощь не только авторам писем, но всему делу народного образования в республике.

В наше время для работника советского аппарата, по-настоящему заинтересованного в своем деле, главное — это ответственность перед дальней, незнакомым человеком, не «заявителем», как именуют его в министерских ответах, а товарищем.

(Окончание на 2-й стр.)

ПРОДОЛЖАЕМ публикацию беседы с министрами культуры союзных республик о наиболее интересных событиях культурной жизни, которые произойдут в юбилейном, 1957 году. Сегодня на вопросы корреспондента «Литературной газеты» отвечает министр культуры Казахской ССР А. Канапин.

Вопрос. Какие новые книги получат читатели к юбилею?

Ответ. Надо сказать, что Казахское государственное издательство художественной литературы за последние два года резко увеличило выпуск книг. Приведу несколько цифр: в 1953 году в республике были изданы книги 613 названий, в 1956 году — 927, а в нынешнем будет 1020.

В казахской литературе появилось много новых имен — молодых поэтов, прозаиков, драматургов, только что начавших свой творческий путь. Большинство уже выпустило свои первые книжки, а некоторые выступают их к 40-летию Октября.

Над произведениями, посвященными эти знаменательной дате, работают и видные писатели Казахстана: М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Сланов, И. Шухов, драматург А. Абинев, Ш. Хусанов, поэты Г. Орманов, Ж. Молдагалеев, Х. Ергалиев, Ж. Саин, Л. Ергалиев, С. Бекхожин, У. Турманжанов. Пожарный, самым значительным явлением в казахской литературе надо считать выход четвертой книги романа Мухомара Ауэзова об Абае, созданный в последние дни жизни автора.

К 40-й годовщине Октября с последней частью романа ознакомится и русские читатели.

Недавно наше издательство приступило к выпуску избранных произведений в шести томах М. Ауэзова и С. Муканова, трехтомника Г. Мусрепова и двухтомника Г. Мустафина. Издание сочинений Г. Мусрепова завершено, вышли четыре тома сочинений М. Ауэзова и С. Муканова. К юбилейным дням читатели получат и остальные книги. Выпущено также два тома полного собрания сочинений умершего несколько лет назад поэта Касым Аманжолова.

Большим событием в культурной жизни республики является предстоящий выход на казахском языке всех четырех томов «Тихого Дона».

Вопрос. Что нового увидят любители искусства?

Ответ. В первую оче-

Можно ли создать „холодное солнце“?

С большим интересом прочитала в опубликованной вами 26 февраля статье проф. Д. Ивановича «На переднем крае» сообщение о том, что удалось получить атомную реакцию при низкой температуре. Это же революция в науке! Очень прошу рассказать об этом подробнее.

Н. ВЛАСОВА, студентка

ДА, в микроскопическом масштабе осуществлен синтез атомных ядер — реакция, подобная тем, которыми создаются могучие потоки солнечного света и тепла. И осуществлен он не при сверхвысокой «звездной», а при низкой температуре.

В НЕДРАХ СОЛНЦА Наука давно разгадала секрет сияния нашего светила. Под его сверкающими покровами скрыта фабрика солнечного газа — гелия. «Сыренье» служит водород. Свет и тепло — «отходы» производства. Сущность процесса в принципе проста. Четыре ядра водорода, которые вступают в реакцию, тяжело конического ее продукта — одного ядра гелия. Излишек массы и переходит в энергию.

В природе эта реакция происходит лишь при сверхвысоких температурах. И вот почему. Чтобы соединить, синтезировать атомные ядра, их надо сблизить. Но они все наделены положительным электрическим зарядом. Как и любые одноименные заряды, они отталкиваются друг друга, сопротивляясь сближению.

Однако при температуре солнечных глубин (13 миллиардов градусов) частицы вещества приобретают колоссальные скорости беспорядочного теплового движения. Стакиваясь «с разбега», стремительно мчащиеся навстречу ядерные частицы преодолевают электрическое отталкивание и сливаются воедино. При этом выделяется энергия. Реакция идет, пока не израсходуется все «горючее». Таков знаменитый термоядерный процесс.

Такого рода термоядерные реакции происходят в небольших масштабах. Только тогда выделяющаяся энергия будет доступна техническому освоению. Но для «поджога» таких малых порций водородной смеси требуются и крошечные «зажигалки». Найти их — цель науки наших дней.

Известно, что советская физика получила здесь первые обнадеживающие результаты. Удалось без атомного взрыва раскислить вещество примерно до миллиона градусов. Это вселяет в нас надежду, что когда-нибудь на земле зажгутся миниатюрные искусственные солнца.

Итак, в недрах звезд ядра синтезируются силой, «принудительно» — они просто сталкиваются с разгона. По стопам природы пошел и человек, осваивая термоядерный процесс. Но мысль физиков работала и в другом направлении. Возник вопрос: нельзя ли перестроить ядро — научиться синтезировать ядра «без принуждения», без сверхвысокой звездной температуры?

Несколько лет назад советские физики член-корреспондент Академии наук СССР Я. Зельдович и академик А. Сахаров независимо друг от друга задались целью с помощью пера и бумаги проверить возможности холодного синтеза ядра. Они пришли к интересному выводу — иногда термоядерный процесс и в самом деле не обязателен! Ядро можно соединить без чрезмерных усилий — не сталкивая его с другим. Вместо огромных температур, говорили они, надо применить для связи ядер своеобразную «веревочку». Роль ее способна сыграть одна из мельчайших материальных частиц — так называемый мезон.

Надо сказать, что эту идею уже довольно давно высказал и английский физик Ф. Франк, исследуя движение мезонов в фотографической эмульсии. Но он убедился, что в эмульсионный процесс наблюдаться не может. Советские же теоретики изучили возможности такой реакции в жидком водороде. Здесь положение оказалось иным.

дет такое сближение, мезон может начать вращение сразу вокруг одного из сблизившихся ядер.

При этом мезон будет веревочкой петля, стянет ядра. В результате сблизятся настолько, что вскоре сойдутся в одно целое — ядро гелия — 3. Тогда неизбежно должно выделиться энергия.

Примерно такая картина была нарисована смелой мыслью советских физиков-теоретиков. Но как ее проверить?

ПРЕДСКАЗАНИЕ СЫБЫЛО В конце прошлого года профессор К. Алферьевский университета Лус Альварез ставил данную серию опытов по изучению «тяжелых частиц» — К-мезонов. Рожденные в ускорителе, они направлялись в особый прибор — пузырьковую камеру. Там в жидком водороде при давлении в несколько атмосфер пролетавшие заряженные частицы оставляли следы — дорожки мельчайших пузырьков. Они фотографировались и изучались.

Эксперимент был сложный и тонкий. Трудность его усугублялась тем, что поток К-мезонов засорялся другими частицами. Для идентификации исследователю сделало колоссальное число снимков — 75 тысяч! Садясь К-мезонов было отсортировано от всех других. И тут получилось непредвиденное. Из 75 тысяч снимков в двух с половиной тысячах были отмечены следы остановок, «ненужных» в эксперименте мезонов. Из них 15 остановок выглядели весьма странно.

Надо сказать, что мезоны — неадекватные частицы. Время их жизни — две миллионные доли секунды. «Умирая», они распадаются, причем картина распада имеет на фотографии характерный вид. Но на 15 снимках останки мезонов отнюдь не напоминали распада. След просто пропал неизвестно куда, чтобы потом через миллиметр вновь как бы вынырнуть «из ничего». Выглядело, что мезон, пролетая в веществе, терял скорость и останавливался, а затем вновь начинал двигаться, непонятным образом обогащаясь энергией! И только в конце второго или даже третьего отрезка следа мезон действительно распался.

«Направляется по принадлежности...»

В ПОЧТЕ, приходящей в редакцию, немало жалоб на то, что письма, адресованные во многие центральные учреждения, переслаиваются обратно, в местные организации. Из республиканского центра в область, откуда в район — так движется письмо по административной лестнице все вниз и вниз, пока не доходит до того звена, конторы, колхоза, откуда отправлено. Друг замыкается. Как пишет один из наших читателей, «все инстанции отреагировали, а дела нет».

Вот мы и решили войти внутрь этого круга и попробовать разобраться в причинах стольких жалоб путешественников. В канцелярии канцелярии Министерства высшего образования СССР, как и все посетители, я попала сразу, порадовавшись доброму порядку — отсутствию неумолимого секретаря и прямого телефону, лабра номер которого вы слышите спокойно, располагающий голос: «Начальник канцелярии Клешиной слушает». Товарищ Клешиной выслушала и мою просьбу — разрешить познакомиться с почтой министерства. Да, да, только он должен поставить об этом в известность... министра, товарища Елютина. Когда через два дня я снова вошла к начальнику канцелярии, он был не менее доброжелателен, произнося: «К сожалению, мы должны отказать вам. Мы не можем пойти на нарушение суверенитета министерства...»

Следующим было Министерство просвещения РСФСР. Здесь пресбыла редакция была удовлетворена и разрешена получена.

ВЕРОЯТНО, ревизор не нашел бы в этом министерстве пиццы для докладной записки. Как детали на хорошо налаженном конвейере, письма движутся из экспедиции в отделы ритмично, не выходя из графика, по путям, отшлифованным временем и опытом. Утром принесенное почтальоном в экспедицию письмо уже днем лежит на столе у соответствующего инспектора соответствующего управления. Проходит шесть, восемь, редко десять дней, и тем же путем на почтальот уходит ответ. Через год вам понадобится разыскать письмо — пожалуйста. В книгах входящей почты — порядковый номер, в папках — копия ответа. Все записано, все подшито.

Такого порядка, при котором ни одна жалоба не задерживается, забывая, в столе, ни один документ не затеряется, добиваясь долгие годы. А сегодня образцовое делопроизводство уже стало для многих министерств традицией, хорошей традицией, которая должна, казалось бы, помогать делу...

Перелистаем аккуратные папки, возьмем несколько бланков-глубоких истрепанных дальних дорогих конвертов.

Рабочие МТС просят открыть школу рабочей молодежи. Учителя Дроновской школы жалуются на плохое снабжение топливом. Двух девочек не снабдили вещами при выпуске из детского дома. Уборщица сельской школы пишет о том, что директор присваивает себе дрова, полученные школой, и малыши мерзнут, что за плохое поведение их сажает в темный чулан. Ученик шестого класса заступился за се-

«Направляется по принадлежности...»

В ПОЧТЕ, приходящей в редакцию, немало жалоб на то, что письма, адресованные во многие центральные учреждения, переслаиваются обратно, в местные организации. Из республиканского центра в область, откуда в район — так движется письмо по административной лестнице все вниз и вниз, пока не доходит до того звена, конторы, колхоза, откуда отправлено. Друг замыкается. Как пишет один из наших читателей, «все инстанции отреагировали, а дела нет».

Вот мы и решили войти внутрь этого круга и попробовать разобраться в причинах стольких жалоб путешественников. В канцелярии канцелярии Министерства высшего образования СССР, как и все посетители, я попала сразу, порадовавшись доброму порядку — отсутствию неумолимого секретаря и прямого телефону, лабра номер которого вы слышите спокойно, располагающий голос: «Начальник канцелярии Клешиной слушает». Товарищ Клешиной выслушала и мою просьбу — разрешить познакомиться с почтой министерства. Да, да, только он должен поставить об этом в известность... министра, товарища Елютина. Когда через два дня я снова вошла к начальнику канцелярии, он был не менее доброжелателен, произнося: «К сожалению, мы должны отказать вам. Мы не можем пойти на нарушение суверенитета министерства...»

Следующим было Министерство просвещения РСФСР. Здесь пресбыла редакция была удовлетворена и разрешена получена.

ВЕРОЯТНО, ревизор не нашел бы в этом министерстве пиццы для докладной записки. Как детали на хорошо налаженном конвейере, письма движутся из экспедиции в отделы ритмично, не выходя из графика, по путям, отшлифованным временем и опытом. Утром принесенное почтальоном в экспедицию письмо уже днем лежит на столе у соответствующего инспектора соответствующего управления. Проходит шесть, восемь, редко десять дней, и тем же путем на почтальот уходит ответ. Через год вам понадобится разыскать письмо — пожалуйста. В книгах входящей почты — порядковый номер, в папках — копия ответа. Все записано, все подшито.

Такого порядка, при котором ни одна жалоба не задерживается, забывая, в столе, ни один документ не затеряется, добиваясь долгие годы. А сегодня образцовое делопроизводство уже стало для многих министерств традицией, хорошей традицией, которая должна, казалось бы, помогать делу...

Перелистаем аккуратные папки, возьмем несколько бланков-глубоких истрепанных дальних дорогих конвертов.

Рабочие МТС просят открыть школу рабочей молодежи. Учителя Дроновской школы жалуются на плохое снабжение топливом. Двух девочек не снабдили вещами при выпуске из детского дома. Уборщица сельской школы пишет о том, что директор присваивает себе дрова, полученные школой, и малыши мерзнут, что за плохое поведение их сажает в темный чулан. Ученик шестого класса заступился за се-

естественном водороде) и объединился с ним. Далее происходила реакция синтеза ядер, а энергия (5,4 миллиона электрон-вольт) передавалась мезону. Получив этот толчок, мезон обрел свободу. Он продолжал свой путь в веществе, отдавая ему энергию, до встречи с новым атомом водорода или до момента своей «смерти» — распада. Когда мезон находился в мезопротоле, его след не фиксировался пузырьковой камерой, которая регистрирует только электрически заряженные частицы (а мезопротон нейтрален).

Возможность синтеза легких ядер при низкой температуре была доказана. Теоретическое предвидение блестяще подтвердилось.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ МЕЧТА! Теперь нам понятно возбуждение, охватившее физиков.

Не мудрено, что открытие Альвареза быстро приобрело оттенок сенсации. Начались разговоры о «новой эре» в ядерной технике, о том, что проблема управляемой термоядерной реакции отходит на второй план. Особенно увлекающиеся журналисты пообещали «поджечь море» — прямо в воде использовать водород для реакции холодного синтеза. Эта идея была опровергнута сразу: в воде частицы-катализаторы поглощаются атомами кислорода и моментально выбывают из игры. Поистине «надеялся слухи шуму, а море не зажглось». Вскоре выяснилось, что вообще вся шумиха, поднятая вокруг холодного синтеза, по меньшей мере преждевременна.

Выступая недавно перед московскими физиками, Я. Зельдович решительно осудил скороспелые восторги. Альварез тоже заявил протест. «Меня поставили», — сказал он, — в положение юнца, который нашел грош и уже считает себя миллионером».

И, как показывают расчеты, никакими ухищрениями (скажем, увеличением давления) этого исключительного положения не выправить. Холодный синтез на мезонах может быть весьма ценен в исследовательских работах, но для техники он бесполезен. Как видим, переключить природу здесь пока не удалось.

Впрочем, физики отнюдь не умеют и мечтать. Некоторые из них надеются со временем осуществить холодный синтез не на мезонах, а на каких-то других сходных с ними частицах, но живущих значительно дольше (хотя бы несколько часов). Подобных частиц наука пока не знает. Однако сегодня никто не может доказать, что они невозможны. А поскольку принцип «ядерного катализа» подтвержден, не заказано думать и о новых катализаторах. Недаром тот же Альварез заинтересовался сообщением члена-кор-

респондента Академии наук СССР А. Алеханяна о признаках новых частиц в космических лучах.

Допустим на минуту, что желанный катализатор найден, что преодолены и другие огромные трудности, о которых мы ради краткости не говорили. И вот ускоритель-генератор направляет поток неведомых пока частиц в гигантскую цистерну с водородной смесью. «Горючее», находящееся в цистерне под сверхвысоким давлением, не надо добывать ни в шахтах, ни в рудниках. Оно — в ближайшем водород (водород и дейтерий выделяются из обычной воды). Да и нужны они в ничтожных количествах — килограммы вместо пудов урана, сотен тысяч тонн нефти или угля. Почти не выгора, смесь кипит годами, действителен. Процесс этот самой природой предназначен для мирного использования. Лишь малая часть выделяющейся энергии уходит на питание генератора, а остальное движет турбины электростанций, отапливает города. Бесконечное обилие тепла!

ЮБИЛЕЙ ЗАВОДА

Сто лет назад, в 1857 году, в Замосворечье, тогда еще на окраине Москвы, обрусевшие иностранцы братья Бромлей основали небольшую ремонтную мастерскую. Хозяевам повезло: дешевые талантливые руки русских рабочих приносили им огромные прибыли. Мастерская превратилась в завод, который занимал видное место в доореволюционной промышленности.

В октябре 1917 года завод вступил на новый путь социального развития. Коренные изменения произошли с той поры. От старого завода братьев Бромлей ничего не осталось. Память о нем сохранилась лишь в архивах и у старожилых завода. В Замосворечье выросло, по существу, совершенно новое предприятие. Это — московский ордена Ленина станкостроительный завод «Красный пролетарий» имени А. И. Ефремова, ставший ныне носителем передовой технической культуры станкостроения.

«Направляется по принадлежности...»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Когда же сотрудники министерства день за днем, год за годом, исправно читают жалобы, подготавливают их к стандартным «составляющим» и отправляют «по принадлежности», то им руководит только чувство формальной ответственности. Это работа на папку, на отводку, а не на людей.

Вот он пишет стереотипную фразу: «Просьба создать необходимые условия для нормальных занятий учащихся». Но разве это не обязанность заведующего облоном? И откуда эта слепая вера в силу листка со штампом Министерства просвещения, листка, в котором даже не содержится просьбы ответить министерству? Почему именно он, этот листок, должен совершить переворот в умах и сердцах местных работников, если на них не действует то, что происходит рядом с ними?

Обратился в министерство старая учительница Е. П. Постникова из Тульской области. Для получения пенсии ей нужны справки о стаже. Екатерина Петровна когда-то работала в Благовещенске. Но сколько она ни пишет в Амурское облоно, — в ответ ни слова. Что же делает отдел труда и зарплат министерства? Направляет «по принадлежности» в Амурское облоно письмо тов. Постниковой «по вопросу о высылке справки о подстаже»... Конечно, письмо в Амурское облоно писать надо было, но написать в нем, совершенно очевидно, следовало другое. Это должно было быть гневное письмо, которое содержало бы все реальные слова, какие имеет право сказать министерство по поводу равнодушия к старому человеку.

Часто употребляют эту фразу: «За письмом стоит живой человек». Не стоит он, а мысленно следит за путями, по которым идет его письмо, нервничает, бежит по нескольким раз на день к почтовому ящику. Он надеется, верит. И разве не задушевно в этой связи серьезного, прищипывающего разговор, может быть, даже на коллегии министерства, переписка с М. Силиной, на которую а случайно наткнулась в ячейке с надписью «Омское облоно».

Маленький сын М. Силиной по ряду обстоятельств пять лет назад был направлен в один из детских домов Омской области. Мать, живущая сейчас в Магадане, обратилась в министерство с просьбой помочь ей вернуть Женю. Управление детских домов в июне прошлого года сообщило Силиной, что «Омскому облоно дано указание по вопросу об организации отправки к вам Силина Евгения». Только в сентябре облоно ответило матери: в детском доме карантин, после его окончания ребенка будет доставлен в Магадан. Промель октябрь. Опять в министерство получили полное тревожащее письмо: «Сына до сих пор не привезли. Я ждала окончания карантина, срок кончился 5 октября, но после этого мальчика перевели в другой детский дом, причем мне объяснения не дали». Представьте себе размеры сторон этого треугольника: Москва — Омск — Магадан, представьте себе состояние женщины, которая пять лет не видела своего мальчика! Нет, не успокоили меня уверения заместителя начальника управления тов. Ивельюва, что повод для волнения нет, — «ведь ребенок в тепле, сыт, одет»...

Мне не известно, чем вызвана задержка с отъездом мальчика в Магадан, но я твердо знаю, что нельзя подолга так испытывать нервы матери.

Это только две случайные истории, выхваченные из потока писем, который не выдерживается, несет через отделы Министерства просвещения...

И еще одна сторона дела, о которой следует поговорить. Думаю, что некоторые работники Министерства просвещения (да и только ли этого министерства?) подчас формально понимают нашу демократию и

напрасно не дают отпора тем, кто использует ее явно в корыстных целях.

Можно предположить, что девочки из детского дома не знают, кому написать о своей беде. Но вот учитель Д., который обращается к министру с просьбой разобраться, почему ему не выплачивали зарплату за время учебы на курсах, обязан это знать. И ей богу же, проявлением истинной демократии было бы написать: «Товарищ Д.! Не следует загружать министра просьбами разбираться в ваших отношениях с бухгалтерией. Такими делами занимается район. Обратитесь туда.

Перестраховка — отнюдь не служебная добродетель. Можно и нужно написать прямой, резкий ответ сутате, чтобы отбить у него охоту рассылать письма во все «инстанции».

Около ста тысяч писем в год поступает Министерство просвещения РСФСР. Почтой занимаются все отделы, все управления, почти все работники — от министра до инспектора. Почта огромная. Но среди писем мало таких, какие должны получать министерство.

Представьте себе, сколько миллионов людей имеет прямое отношение к делу народного образования — учителя, школьники, родители. Чем живут эти люди, что их волнует? Почта Министерства просвещения ответа на этот вопрос не дает. А ведь мы знаем, что нет сейчас в стране школы, где не думали бы, как вырастить ребят не только знающими, но и высококвалифицированными людьми, как подготовить их к труду, к жизни. Нет школы, где не экспериментировали бы, не спорили, не мечтали.

В этом убеждают письма, приходящие в любую из центральных газет. Это почта страстная, в высоком смысле гражданская, ибо каждый автор волнует о делах государственных и решает их по-государственному. Нет, не завалена такими письмами экспедиция Министерства просвещения.

А их должно быть много сейчас. Ведь если в области народного образования не мечаются какие-то перемены, то их нельзя будет осуществить без этой армии учителей и родителей. Каждое решение, каждое постановление должно нести в себе их опыт, их требования, их мечты.

Тридцать шесть лет назад Владимир Ильич Ленин упрекал Наркомпрос в неумении использовать практический опыт учителей. Кажется мне, что и сегодня работа с письмами свидетельствует о «недостатке деловитости и практичности».

Когда-то министерства именовались народными комисариатами. Это звучит точно, определяет их сущность. Наши министерства — это народные учреждения, деятельность которых поддерживается, направляется и контролируется миллионами граждан. Их письма и есть одна из форм будничного практического участия в управлении государством. Без этой помощи министерство рискует оказаться штабом без войска.

Очень хорошо, что в последние годы наши центральные учреждения становятся все более доступными — в прямом смысле этого слова. Легче теперь пройти к любому ответственному сотруднику, проще соизволят с ним. Очень радуют, например, порядки, которые я наблюдала в Министерстве высшего образования. Но вот все ли работники аппарата понимают, что вместе с дверями кабинетов надо открыть свой ум и сердце для тысяч мыслей, предложений, критических суждений, которые входят с обычными посетителями, содержащихся в обычных письмах? Всегда ли правильно истолковывают они отличные слова — «суверенитет министерства»? И не заслоняет ли иногда прекрасно поставленное делопроизводство того, ради чего оно существует.

Вместе с молодыми артистами выступили их старшие товарищи — народный артист РСФСР Б. Бабочкин и артист А. Литвинов. В вечер также приняли участие М. Новожилов и О. Дедов, концертмейстер С. Розенфельд, балетист В. Машков, помощник режиссера Ю. Бернар.

Полтора года работал постановочный коллектив Московской киноакадемии научно-популярных фильмов над картиной «В Тихом океане». Режиссер А. Згуринский рассказал о том, как проходили съемки. Затем собравшись с большим интересом просмотрели увлекательный фильм о животном и растительном мире Тихого океана.

«Наш вторник»

12 марта на очередном «Нашем вторнике» в редакции «Литературной газеты» выступила группа молодых артистов Московского ордена Ленина Академического Малого театра. Заведующий труппой, заслуженный деятель искусств Е. Калужский рассказал о том, над чем работает молодежь театра, в каких новых постановках она принимает участие. Молодой актер и режиссер Л. Завлакский представил своих товарищей: О. Чураева, Ю. Бурягина, М. Селова, Э. Сергеева, В. Коршунова, В. Архангельскую, Б. Сазонову, П. Садовского, которые исполнили отрывки из произведений А. Пушкина и М. Горького, сцены из спектаклей «Иван Рыбачков» В. Гусева, «Опасный случай» А. Сальковского, «На пороге к делу» А. Островского и Н. Соловьева.

Вместе с молодыми артистами выступили их старшие товарищи — народный артист РСФСР Б. Бабочкин и артист А. Литвинов. В вечер также приняли участие М. Новожилов и О. Дедов, концертмейстер С. Розенфельд, балетист В. Машков, помощник режиссера Ю. Бернар.

Полтора года работал постановочный коллектив Московской киноакадемии научно-популярных фильмов над картиной «В Тихом океане». Режиссер А. Згуринский рассказал о том, как проходили съемки. Затем собравшись с большим интересом просмотрели увлекательный фильм о животном и растительном мире Тихого океана.

Этим очеркам — массовые издания

В только что вышедшей в свет первой книге альманаха «Наш современник» за 1957 год напечатаны очерки «Среди болот» — деревенский дневник А. Одинова. В № 4 за 1956 год журнала «Сибирские огни», издающегося в Новосибирске, опубликован очерк Леонида Иванова «Сибирские встречи». И Леонид Иванов, и А. Одинов еще не известны массовому читателю, их можно, пожалуй, считать «вновь открывшимися». Литературная форма их произведений весьма скромная: это — очерки без претензий на монументальность «большого полотна», на особую беллетристическую заманчивость.

Можно без труда представить себе дальнейшую судьбу этих очерков. Если бы А. Одинов и Леонид Иванов стали «счастливцами», нашлись бы много всяких вещей, прославляющих интересных романистов или повестников, тогда и эти первые их очерки удостоились бы внимания издателей и вышлись в свет массовыми тиражами в числе их других произведений. Однако, если все произошло именно так, это будет очень досадно. Очень жаль, если круг читателей очерка Леонида Иванова ограничится только сибиряками, а с очерком А. Одинова познакомится только подлинники «Нашего современника». Оба очерка заслуживают прочтения в каждом райкомком партии, в каждом колхозе — и Новосибирской области, и Ивановской, и Краснодарской края, и Белорусской, и Пovolожской. Заслуживают они внимания и литераторов, как яркий пример того, что конфликты и борьба в тишицаю самого главного.

Об очерке Леонида Иванова можно сказать следующее. Кто хочет по-настоящему узнать, что представляют собой так называемые «деревенские проблемы», причем проблемы сегодняшние, далеко еще не решенные, кто хочет знать, как их много, этих проблем, как они серьезны, какой значимости, остроты (и в то же время ясности) требуют для своего решения, пусть прочтает «Сибирские встречи». И наверняка он увидит в этом очерке, написанном на сибирском материале, много типичного для колхозов и Дона, и Пензенской области, и Днепропетровщины.

Оба очерка написаны мастерами. Это настоящие, умная, интересная, волнующая — без всяких скидок на «второстепенность жанра» — литература.

Надо подумывать о массовом издании этих очерков. Их надо обязательно довести до самого широкого читателя, особенно — деревенского читателя. Сборники очерков на злободневные деревенские темы у нас периодически издаются. Но у таких сборников обычно небольшой тираж, и они очень велики по объему: в них участвует много авторов, не у каждого читателя хватит терпения перечитать всех авторов. Иной раз до хорошего очерка и не доберешься сквоз тощую посредственность вещей.

Превосходные очерки Леонида Иванова и А. Одинова надо выделить для отдельного издания — для начала пусть хотя бы небольшими по объему книжками. Не нужно, действительно, ожидать, пока у этих новых авторов литературная борода отрастет по пояс. И чем скорее издадут их очерки массовым тиражом, тем лучше, тем больше пользы принесут они людям, практические занимающимся колхозным строительством.

Ю. ЖУКОВ И ПУСТЬ НЕ БУДЕТ СКИДОК НИКОМУ И НИКОГДА!

И пусть, когда дело идет о жизни, — а искусство это есть жизнь, — не будет скидок ни на молодость, ни на старость, ни на заслуги и ордена, пусть не будет скидок никому и никогда.

Сергей ДИКОВСКИЙ

— ВЫ ЗНАЕТЕ, — сказал мне задумчиво знакомый журналист, — четырнадцатого марта Сергею Диковскому исполнилось бы пятьдесят лет. Если бы он был жив, ему, наверное, дали бы в этот день орден, а в «Литературной газете» написали бы, что он — в расцвете творческих сил и что его перо подарит нам еще много-много книг.

Да, сегодня Сергею Диковскому исполнилось бы уже пятьдесят лет. Уме или всего лишь? Пожалуй, в наше время, когда в среде писателей преобладают люди того возраста, который принято называть зрелым, Диковский и сейчас считался бы молодым. Тем более поразительно, что литературное наследие, оставленное им семидесятью годами, хранит печать подлинной зрелости и не ржавеет с годами. Книжки Диковского продолжают переиздаваться из года в год, и удивительно, что в год его смерти, с увлечением читают их, даже не подозревая, что эти произведения написаны тогда, когда их и на свете не было.

Семнадцать лет — да, да, без малого двадцатилетие — прошло с того злого дня, когда военный телеграф принес скрупулозную, горькую весть: во время боевой операции на Ухтинском направлении погибли военные корреспонденты «Правды» писатели Диковский и Левин. Не раз, увы, с той поры приходили такие скорбные известия с войны, и многие имена, дорогие и близкие каждому из нас, довелось заключить в суровую траурную рамку. Но эти жертвы принадлежали к числу самых первых; так в канун решающего боя уходил вперед разведчик и минер, прокладывающий путь частям, — впереди колючая проволока, впереди мины, волчий ям, впереди бронебойщик, но спугнутый, еще сильный враг, и не так уж велики шансы выжить у тех, кто первыми покидают обжитой окоп, уходя навстречу опасности. Тем большей признательностью платят остальные солдаты людям, идущим впереди, и тем крепче помнят о них, если не суждено им вернуться с боевого задания...

В ПАМЯТИ своих друзей Сергей Диковский остался тем же молодым человеком, каким видели они его, прожывая в эту последнюю поездку: никакой внешней солидарности, худощавое, смуглое, какое-то мальчишеское лицо, всегда освещенное умной, немного иронической улыбкой, и чудесные, пронзительные и жадные до наблюдений глаза — глаза следопыта, который ни за что не успокоится, пока не разузнает, не выведает все тонкости, все подробности того, к чему прицепился его взор.

В сущности говоря, Диковский всю свою жизнь был жадным до впечатлений разведчиком и следопытом.

Немало есть у нас непоследливых журналистов и писателей, неумимо путешествующих по белу свету в поисках интересных людей и интересных событий, — честь им и хвала. Но Диковский отличался от многих своей особой целеустремленностью и, я бы сказал, цепкостью хватки. Куда бы он ни ехал, в какую бы обстановку ни попался, с какими бы людьми ни повстречался, Диковский во всеу и во всем подходил со своей особой мерой. Он никогда не удовлетворялся беглым знакомством. Очень редко вынимал из кармана блокнот. Был способен терпеливо перебрать несколько десятков собеседников, — и притом отнюдь не как навязчивый интервьюер, а именно как собеседник, приятный и занимательный, — пока не найдет на настоящую крупную золоту, которая потом заблещет теплым светом в очерке или рассказе. И чаще всего он находил такие крупницы на своем любимом Дальнем Востоке.

Вспоминается сейчас наша добрая «старая» «Комсомольская правда» — заводный коллектив молодых людей, составивший ее редакцию в ту эпоху, когда Горький назвал «Комсомолку» самым живым и талантливым органом нашей прессы, — на тридцатилетних в этом коллективе глядели, как на беззащитных стариков. Тесно клещушки на третьем этаже старого дома в М.-Черкасском переулке. Играющие под ногами, протертые чуть ли не насквозь половицы. Вечно горящий световой плакат у входа в крохотный зал: «Тихе! Идет совещание», — никто на этот плакат не обращает внимания, и вокруг стоит постоянный галдеж. Длинный узкий коридор, прозванный почему-то «улиткой радости», и продавленный ветхий диван в углу, «окупированный» веселой компанией разведчиков-корреспондентов, — Михаил Розенфельд только что закончил какой-то дальний перелет, Николай Маркевич опять уезжает в Среднюю Азию, Сергей Диковский вернулся из дальнего и длительного рейса по таежным пограничным заставам. Он даже одет в гимнастерку с зелеными петлицами и явно гордится ею — ведь это подарок «оттуда».

Все трое молодое и веселые, и у каждого впереди еще около десяти лет жизни — Диковскому суждено погибнуть в снегах Филандия, Розенфельду — в жарких боях под Харьковом, Маркевичу — во время воздушной десантной операции на северо-западе России. Все трое — жизнерадостные и немного озорные.

Розенфельд с увлечением рассказывает о своих приключениях в перелете. Диковский как будто бы внимательно слушает, но по глазам его видно, что мысленно он далеко отсюда: Сергей весь поглощен предстоящей ему большой и трудной работой.

— Как же мне назвать все это? — вдруг спрашивает он. — Советую так: «Стой! Кто идет?». Пожалуй, для газеты это неплохо. Ну, а если из этого получится книжка? Лучше взять самое спокойное и непритязательное название. Пусть это будет «Застава Н». Не надо называть книгу читателем. Уж если он возьмет ее даже в скромной одежде, — значит, его по-настоящему заинтересует тема...

Диковский не скрывает, что он очень доволен своей поездкой. Говорит, что ему пришлось обиходить десятка застав и самым основательным образом познакомиться с тридцатью четвертыми командирами, пока написаны, наконец, застава и человек, которые ему были нужны. Облюбован приглянувшийся ему «точку», Диковский обосновался на заставе

всерьез и надолго. Выходил с бойцами в наряды, участвовал в преследовании нарушителей границы, внимательно наблюдал боевую учебу. То, что он делал, казалось, далеко выходит за пределы обязанностей корреспондента. Но именно таким путем, выживая в жизнь заставы, Диковский сумел отыскать то, чего никогда не слышит самый опытный литератор, если ограничится беглым знакомством с людьми, о которых собирается писать.

— Теперь могу со спокойным сердцем засесть за очерки, — говорит он. — Мне не будет совестно перед пограничниками...

Так рождалась ставшая впоследствии широко известной серия очерков-рассказов «Застава Н». Диковский потом вспоминал, что ему почти не попадались дневники с записями, настолько он склеился со своими героями.

И так — везде и всегда. Путешествовал ли Диковский по пескам Кара-Кумов с участниками знаменитого автопробега, отпирался ли он на парусной яхте в походе вокруг Скандинавии с ленинградскими спортсменами, ехал ли к строителям Харьковского тракторного завода или к золотодобытчикам Восточной Сибири, — он прежде всего заботился о том, чтобы его не приняли за стандартного «человека с блокнотом», который сначала запишет, потом напишет. Диковский искал и находил общий язык с любым человеком, незаметно выникая во все подробности его жизни. И когда он садился, наконец, писать, то прежде всего тщательно отбирал лишь типичные, правдивые, жизненные детали, а все наносное, случайное безжалостно отбрасывал, — даже если среди этих случайных подробностей были внешне эффектные вещи.

С негодованием рассказывал он о писателе, который, приехав в Восточную Сибирь на золотой прииск, долго отыскивал приюта в плавовой рубашке с кушаком и, не найдя его, уларился в другую крайность: с восторгом написал, что на столе у шахтера-забойщика, к которому он зашел, лежит томик Шекспира.

— Шахтер этот малограмотен, — говорил Диковский. — Шекспира читал не он, а его сын — ученик десятилетки. И писать следовало не о том, что старый забойщик читает «Гамлет», а о том, что, несмотря на свою малограмотность, этот рабочий сам пытается с помощью сына сочинить книгу, в которой хочет рассказать об опыте, накопленном им на прииске, где он проработал десятки лет...

Резко высмеивал Диковский литераторов, порхающих с одного «объекта» на другой без мысли в голове, обозначенных лишь тем, как бы погуге начинать свои записи цифрами и фактами, и вовсе не думавших о том, что главное — в очерке, и в рассказе — идея, которую вкладывает в свое произведение автор. Если в произведении писателя нет идеи, его не спасут ни бухгалтерские выкладки, ни цитаты, ни всяческие словесные узоры, вроде «отжелезешего солнца», «смуглых тел молодых яблонь» или «дымчатой паутины синей мглы».

О самом Диковском идея всегда была тем главным, ведущим, животворящим началом, благодаря которому все то, что он успел написать за свою недолгую жизнь, приобрело поразительную жизненную упругость. Сколько книг, больших и малых, поблекло, состарилось, умерло за эти девять лет! А раскрытые вы «Железную утку», «Патриотов», «Команданта Птичьего острова», перечитайте газетные очерки и корреспонденции, щедро рассыпанные Диковским по страницам «Комсомольской правды» и «Правды», и вам в лицо захватит бодрящая свежесть. Вы не увидите морщин на лицах героев Диковского. Они сохраняют свою молодость, и новое поколение знакомится с ними, как со своими ровесниками. Так еще раз оправдывается старая истина: талантливый — вечно.

И ЧЕМ ГЛУБЖЕ выкаешь в произведении, оставленные нам этим понастоящему талантливым человеком, тем ярче разгорается перед тобой основная идея, одухотворяющая его, что написано это. Это идея служения Родине и готовности защищать ее до последнего дыхания. Не случайно сам Диковский оказался на переднем крае в первые же часы первой битвы — он не терпеливо рвался туда, как прошедший боевую выучку, обстреланный солдат, знающий свое место на поле сражения. И когда в зимний вечер 1940 года, получив известие о гибели мужа, Валентина Диковская, задыхалась от горя и слез, в десятый раз рассказывала друзьям, как спешил Сергей явиться к месту назначения, как, собравшись наскоро и даже не захватив валенок, бежал он за вагоном тронувшегося поезда, — «а кашошкато спадывает...» — добавляла она горестно, по-женски, — мы испытывали смешанное чувство: было невыразимо горько сознавать, что этого замечательного человека уже нет, но, с другой стороны, уже в эти часы перед нами вырастал образ, которым нельзя было не гордиться. Всей жизнью, а не только книгами своими, Диковский показал сверстникам величие идеи, поборонок которой был. Эта идея и сделала его тем большим писателем, каким знаем его мы, каким знают его наши дети и каким будут знать наши внуки.

Его писательская биография началась на поле боя — в Маньчжурии в 1929 году, когда Особая дальневосточная армия дала отпор наемникам империалистов. Именно так 23-летний сотрудник армейской газеты «Отпор» Диковский впервые увидел зарево войны и понял всю остроту и жизненную необходимость военно-патриотической темы в литературе. И с той поры до последних дней своих он не уставал развивать патриотическую тему в своих произведениях.

Писатель непоколебимо верил в силы своих героев, он знал, какой будет их раз в жизни не удалось побывать в Японии. И тем не менее он так хорошо знал эту страну и ее людей — хороших и плохих, — что самые опытные японоведы только разводили руками: откуда у этого молодого человека такое глубокое знание материала? Он изучал не только японский язык и японскую военную литературу. Он знал быт Японии, ее нравы, знал характеры людей, принадлежавших к различным классам японского общества. И его рассказы о Японии и японцах — такие, как «Госпожа Слива» или «Труба», — сделали бы честь писателю, долгие годы прожившему в этой стране.

В повести «Патриоты» перекрещиваются судьбы двух основных действующих лиц — советского пограничника Боржа и японского солдата Сато. Они ровесники: оба из крестьян, оба люди труда; оба становятся солдатами одновременно. Но какая огромная пропасть разделяет их! Андрей Борж — хозяин своей страны, веселый, чудесный парень «из той славной породы людей, без которых гармонь не играет, либо не бродит и девчата не смеются». В армию он приходит с известной стойкостью; он знаменитый бригадир малюров. К своим двадцати двум годам этот парень успел выкрасить четыре волжских моста, два тепловоза, фасад Дома Советов, шесть водных станций, решетку аэродрома и не меньше сотни крыш». В этой своеобразной авторской ремарке отражена эпоха, в которой жили автор и его герои, — эпоха первых пятилеток. А вот — Сато, воспринявший свое превращение в солдата, как дерзость из одного подневольного состояния в другое, еще более подневольное. Он привлек к невольному соумышленнику — в детстве Сато боялся отца, потом боялся учителя, потом боялся хозяина туковари, теперь он боится старших солдат и ефрейтора, который презрительно зовет его «рыбей головой». Но служба есть служба, и Сато усердно выполняет все приказы. И когда в бою сталкиваются люди этих двух миров, победа, естественно, остается за патриотами, сознательно выполняющими свой долг.

Повесть встретила теплый прием у читателей и критики. Но сам Диковский остался ею недоволен, он отправился в новую поездку на Дальний Восток, чтобы еще ближе познакомиться со своими героями. Он писал оттуда своему товарищу, что его несколько не успокаивает то обстоятельство, что повесть хорошо принята читателями. Мне хочется, заметил он, написать книгу с характерами — такую, чтобы вырвалась из-под пера, спрыгнула со стола и сама пошла по улице... Такую книгу я сделать обязан, подчеркнул он.

Сергей Диковский был чрезвычайно строг к своей повести. Ныне она прошла проверку временем. Книга «Патриоты» действительно «спрыгнула со стола и сама пошла по улице». Не далее как на этих днях один работник лесной промышленности, только что вернувшийся из поездки по отдаленным участкам Сибири, рассказывал мне, как ходит эта повесть по рукам в доме лесорубов. Литературный критик А. Малахов был совершенно прав, когда, объясняя секрет успеха «Патриотов», живущих в зарею уже двадцать лет, напомнил, что задачей писателя, как говорил он сам, было раскрыть «се физику, а химия дела», не просто эффектно изобразить подвиг и очертить проваившиеся в бою героическое поведение своего героя-пограничника, а показать истоки героизма и становление воинского характера.

Эта книга — живая школа героики. Она многому научила то поколение, которому довелось принять на свои плечи тяжкие годы второй мировой войны. Многую науку из героев Диковского и то поколение, на чью долю выпало восстанавливать все то, что было разрушено этой войной. И сейчас многую учат они добровольцев пелены, строителей великих гидростанций, следопытов тайги, молодых солдат, освоивших новую военную технику, какой и вообразить себе не могли герои «Патриотов» Андрей Борж и его сверстники...

ПРОЖИВАЯ строгую взаимосвязь с собой, Диковский с полным правом призвал всех писателей относиться к своей работе с непримиримой требовательностью. Его ровесники — литераторы до сих пор помнят неослабную, яркую и страстную речь этого молодого писателя на нашем общесоюзном собрании в 1939 году — речь, в которой он критиковал произведение ряда видных писателей, художников, кинематографистов.

...О нашей работе, о ее светлых и теневых сторонах нам следует говорить так же откровенно, беспощадно, смело, как говорили на съезде о хозяйственных и партийных делах, — сказал Диковский. — Не следует забывать, что в арсенале наших врагов был не только меч, но та же розовая краска, которой они старались закрасить, замаскировать, скрыть нечестное, грязное...

Это была суровая, прямая и резкая речь. И в то же время каким глубоким оптимизмом, какой горячей верой в творческие силы советской литературы была пронизана она!

— У нас есть все для того, чтобы работать хорошо, — заявил Диковский в заключение, — могучий аппарат издательства, кино, театры, способные выполнить самый дерзкий, самый смелый замысел автора. Есть миллионы друзей-читателей, есть партия, направляющая нас крепкой и заботливой рукой. И пусть, когда дело идет о жизни, — а искусство это есть жизнь, — не будет скидок ни на молодость, ни на старость, ни на заслуги и ордена, пусть не будет скидок никому и никогда.

Будем же почаще вспоминать, друзья, эти хорошие, согретые нерушимой верой в творческие силы советского человека слова! И пусть действительно не будет скидок никому и никогда!

КОЛХОЗНЫЙ САДОВОД — ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

«Синие глаза весны» — так называется сборник стихотворений, выпущенный украинским издательством «Радянський письменник». Автор его является садоводом колхоза имени Сталина, Изюмской области, Михаил Клименко.

Сын колхозника села Левков, он начал писать стихи еще на школьной скамье. Отображением лесов и полей родного Полесья, чудесная природа Украины занимала центральное место в лирике поэта. Занятия сельскохозяйственной техникой, особенно возвратился в родной колхоз. Пылкими, внимательным взором присматривается он к труду колхозников, воспевают их жизнь, любовь к Коммунистической партии, Родине. Героями произведений Михаила Клименко являются хлеборобы, механизаторы, животноводы.

Высокую оценку творчеству поэта дали ведущие украинские поэты и критики. По их рекомендации Михаил Клименко принят в члены Союза писателей Украины.

НЕИССЯКАЕМЫЕ КРИНИЦЫ

Я. КАЗЕКА

Можно писать о новом в жизни и не быть современным. В некоторых белорусских рассказах прошлого года легко распознать события последнего времени. И все же по этим произведениям трудно предвидеть, чем теперь живут советские люди, что их волнует. Объясняется это тем, что писатели запечатлели только внешние признаки жизни. События, о которых писали прозаики, не осмыслены с позиций сегодняшнего, а тем более завтрашнего дня. Живое ощущение требований современности, ее горячее дыхание приходят в книгу лишь тогда, когда писатель, изображая те или иные явления, понимает все их бесчисленные связи с действительностью, с народной жизнью, с подлинными, а не надуманными устремлениями людей.

В этом отношении интересен роман Ивана Шамякина «Криницы», опубликованный в журнале «Полымя» за 1956 год. В романе изображены белорусская деревня после известных реформ партии о сельском хозяйстве, сегодняшняя жизнь колхозного крестьянина и сельской интеллигенции. Возрождение отстающих колхозов и МТС, усиление в массе сельской интеллигенции чувства ответственности за положение в колхозах, укрепление доверия колхозников к партии — эти и другие процессы, характерные для современной деревни, осмысливаются и художественно раскрываются в произведении. В нем много верных и интересных подробностей, делающих убедительными и отдельные образы, и общую картину жизни, нарисованную писателем.

Белорусский читатель впервые познакомился с «Криницами» в дни необыкновенного общественного подъема, вызванного решениями XX съезда КПСС, и, может быть, это обстоятельство усилило внимание к роману. Во всяком случае, ни одно из произведений белорусской литературы, созданных в последние годы, не встречало такого живого интереса и не вызвало таких острых споров, как роман И. Шамякина.

Читателя привлекало в «Криницах» пылкое отношение автора к процессам современной жизни села. В романе с правдивыми, партийными позициями критикуются некоторые нездоровые явления, порожденные в свое время культом личности. Это свидетельствует о глубокой связи писателя с жизнью народа, ведь роман написан до XX съезда, на котором настоятельные пожелания добротности народа и его партии были четко и убедительно сформулированы. Как ни удивительно, некоторые литераторы не заметили этого. Критики А. Адамович и А. Кучар поставили содержание произведения, его идею в прямую связь с фантомом разоблачения на XX съезде культа личности и его последствий, произвольно сместив время действия романа. Это привело к односторонности оценок, к утверждению, будто основной пафос «Криниц» — критика недостатков в руководстве сельским хозяйством. Автора, например, упрекали в том, что он «слишком уже заботится, как бы излишне не «обидеть» переродившегося руководителя — секретаря райкома партии Бородку, «не заслонить того положительного, что есть в этом человеке». По мнению А. Адамовича, писателя должен быть больше всего волновать вопрос: «как исправить то, что испортил Бородка и испортил очень серьезно». Это справедливо. Но А. Адамович не согласен принять положительные качества Бородки, «которые так подчеркивает И. Шамякин, — энергичность, силу воли и т. д.». А писатель вовсе и не хотел рисовать своего героя «одной черной краской». Он хочет заметить, что уродует человеческую душу и заслуживает сурового осуждения, но умеет и как-то особенно светло, приподнято показать хорошее в человеке.

Криницы — так называется деревня, где происходит действие романа. Но не только потому назван он так. Это полное по сути слово замечательно раскрывает идею содержания произведения. Неиссякаемы криницы силы, энергии, инициативы народа. И тот, кто черпает из этих криниц, кто не отрывается от народа, находит настоящие место в жизни. Такую мысль внушают судьбы всех героев романа. Разные это люди, по-разному складываются их взаимоотношения. Мысль о неотделимости судьбы человека от жизни всего народа, мысль о том, что

счастье каждого обретается в служении народу, пронизывает весь роман.

Все персонажи романа так или иначе показаны в связи с теми большими переменами, которые произошли в деревне после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Главный герой романа аспирант Михаил Лемешевич. Не удовлетворившись своей диссертацией, написанной по книжным источникам, приезжает из Минска в Криницы с целью самостоятельно изучить практику школьного воспитания. Здесь он сразу же входит в интересы не только учительского коллектива, но и местного колхоза, сталкивается со многими людьми, сложными, своеобразными, колоритными.

Писатель находит выразительные штрихи для характеристики героев. Вот, например, при каких нескольких необычных обстоятельствах Лемешевич впервые сталкивается с председателем колхоза Махначем. Он оказывается свидетелем спора Махначи с колхозниками. Председатель отнял у женщин собранное ими в лесу сено и собирался сжечь его. Лемешевича неприятно поражают слова: «Я не жюрилен ваших коров, у меня своих пятьсот штук». Через несколько дней Лемешевич просит председателя колхоза выдать для нужд школы лошадей. «У меня детей нет», — в том же духе отвечает Махнач. Всего четыре фразы, а как понятно становится, почему все в Криницах не любят этого человека.

И. Шамякин умеет интересно развернуть повествование, естественно включить в него новых действующих лиц, без натяжки ввести новые линии жизненных связей героев. Есть в романе такая сцена. Однажды Лемешевич заглянул в магазин, селюк на двери которого висела табличка: «Переуче». Там оказались Махнач, председатель сельсовета Ровнополь и секретарь колхозной партгоркомизации Андрей Цолов, зашедший выпить по стаканчику вина. Разгорелась беседа о насущнейших вопросах колхозной жизни, о методах руководства колхозами и стиле их руководства, о том, в чем истинная и мнимая простота советского человека. Написанная необычайно живо, сцена эта не только с новой силой открывает нам Лемешевича и Махначу, но позволяет как-то очень близко узнать прямого, честного, уважающего людей коммуниста Цолова. В то же время эта сцена завязывает новые сюжетные узлы: случайно заглянувшая в магазин врач Наталья Петровна, в которую Лемешевич затем влюбляется, будет долго избегать его, а секретарь райкома Бородка через несколько дней будет отчитывать директора школы. «Залатаншево» звание учителя участвует в попойке. Вспыльчивый по характеру, Лемешевич не удержится, чтобы не сказать: «Вы правы, звание учителя — высокое звание. Но еще выше звание партийного работника... секретаря райкома. И я вынужден сказать вам: не одного меня, а весь наш коллектив возмущают ваши починки, визиты к Приходченко» (речь идет об учителе, которую навещал Бородка, имея жену и детей).

В этой и других сценах столкновения с Бородкой Лемешевич раскрывается как честный, принципиальный, настойчивый коммунист. Так возникает в романе глубокий и жизненный конфликт, порожденный отнюдь не мотивами личных антипатий. Участник партизанской борьбы, энергичный и опытный работник, в свое время принесший немало пользы, Бородка постепенно оторвался от людей, перестал считаться с их мнением, уверовал в свою непогрешимость. Ему и впрямь кажется, будто он весь район на своих плечах держит. Себя Бородка уже иначе и не называет, как хозяином района. Когда ему предложили как-то должность в аппарате обкома, он отказался, мотивируя это тем, что любит работать в гуще народа. В действительности же он считал, что свои способности сможет проявить лишь в роли «первого лица».

Бородка говорит всегда правильно, даже «самые избитые, газетные» выражения в его устах звучат со своей первоначальной силой, а сам перестал считаться с нормами партийной жизни и советской морали. Автор беспощадно критикует Бородку, показывая его крах и как партийного руководителя района, и как человека. Насколько многозначителен, на

пример, такой эпизод. Бородка узнает о вступлении в партию его жены не от нее, а увидев ее заявление, переданное ему, секретарю райкома, с другими «бу-мажками». Можно ли говорить о какой-то «жестокости» И. Шамякина и его герою, как это утверждали некоторые критики? Правда, в романе где-то в подтексте, живет вера писателя, что этот человек не опочатил бы потерян для партии, что он еще может найти в себе силы для трудной и мучительной перестройки. Но это надо поставить в заслугу автору.

Прочет писателя, мне думается, в другом. Сложившегося Бородку видишь, как живого. А вот как он стал таким, как сложился, развился и укрепился в его характере отрицательные черты, — на это роман не дает ответа. Слышком долго рассказывал автор историю героя, и это лишило образ полноты и убедительности.

Впрочем, смысл романа не в образе Бородки, а в образах тех, кто с ним борется, — пафос произведения в утверждении красоты духовного облика советского человека. К числу бесспорных творческих удач писателя следует отнести прежде всего образ врача Натальи Петровны Груздович. Человек большой и красивой души, она любит людей, верит в них и весь смысл своей жизни видит в том, чтобы служить им. Лемешевич, приехав в Криницы, на каждом шагу слышит ее имя. «Колхозницы просто называли ее Натальей, местная интеллигенция — Натальей Петровной... Но все отзывалось о ней с одинаковым уважением». В Криницах Наталья Петровна была еще до войны, приезжала к своему жениху учителю Груздовичу. Здесь вышла замуж. Потом муж погиб в партизанах, а она, как только освободили Пolesье, вернулась сюда с двухлетней дочкой. Вместе с криничанами мужественно перенесла тяготы первых послевоенных лет. В те годы все увидели, какой она благородный, самоотверженный человек. «Для авторитета надо жить с народом так, как Груздович вон живет», — говорит Махначу Цолов.

Сердечно говорит писатель о хороших людях. По-своему, по-шамякински, выплывает он образы молодых героев. Читатели запомнили комсомольского вожака, смелого, самоотверженного Женю Лубяна из первого романа И. Шамякина «Глубокое течение». В «Криницах» создан не менее интересный образ Алешки Костенки. Ученик криничской школы, Алеша летом работал на самоходном комбайне. Бородка как-то пришла в голову мысль написать от его имени обращение ко всем комбайнерам области. Инструктор райкома чиниша Шаповалов привез ему готовый текст. Но Алеша категорически отказался подписать «свое» обращение. Шаповалов даже пригрозил: «Не будешь дураком... А вы раздумники... И пошли дураком...» — грубо выругался Алеша. Еще Алеша и не успел ответить, но гордый и независимый юноша не терпит фальши, он всей душой принимает нашу высокую и чистую мораль. Таков он в любом своем поступке. Страницы, посвященные зарождению у Алешки первой любви, принадлежат к числу лучших в романе.

«Криницы» писались по горячим следам событий. И, может быть, поэтому случайные факты писателя порой принимал за существенные. Отсюда — иллюзорность, заметная в некоторых образах, в частности в образе того же Лемешевича. Роман перегружен эпизодическими фигурами. Образы работница ЦК Журавского и его жены Дарьи Степановны невыразительны, да, пожалуй, и не нужны. В интересном задуманном образе старого учителя Даниила Платоновича ощущаются черты традиционного «добраго деда».

Но при всем этом новый роман И. Шамякина — интересное, волнующее и ценное произведение о наших современниках. Это очень светло по настроению. Есть в нем такая сцена. Выпускники криничской школы пришли навещать старого, большого учителя. «Помните, — говорит им Данила Платонович, — сколько раз мы с вами криницы очищали? Наши криницы там, во врах, — он показал в поле, где брало все начало ручья. — Не забывайте, пожалуйста, про них, а то запальтует, засорится, пересохнут... Криницы должны быть чистыми!»

О чистых криницах нашей жизни и рассказал И. Шамякин.

КАК ЛИСТ ДУБОВЫЙ

Петрусь БРОВКА

Не страшны мне
Ни топы, что чадно
Дымит, ни бури гул и свист.
За жизнь я уцепился жадно,
Как за дубок дубовый лист.

По осени,
Все тот же, все тут же,
Он бромной в сутени горит.
Тростку его ветра и стружи,
А он одно в ответ —
Звонит.

Когда зимой
Метель азыграет

Или ощерится мороз,
Он, как ладонью, прикрывает
Ту веточку, где он пророс.

И лишь весной,
Когда дубравом
Суденный ликом жаря и звон,
Перед листом зеленым, новым
Легко
К земле
Слетает он.

Перевел с белорусского
Н. ГРИБАЧЕВ

Даник набирается сил...

Мало кто, оглянувшись на свое детство, не найдет среди детских воспоминаний глубоко запавшего в сердце впечатления от первой встречи с учителем. А кто не вынес из детства и не сохранил о такой встрече ласковой памяти, может быть, просто не одарен ею. Бывают же люди, не озабоченные музыкальностью... Музыкальность — это слово, мне кажется, ближе всего определяет интонацию повести Янки Брыля «Сиротский хлеб» (журнал «Советская Отчизна», № 6, 1956 г.), хотя речь в ней идет о невестом, полном обид детства белорусского пастуха Даника Мальца в годы, когда над Западной Белорусией властвовали польские паны.

«Сиротский хлеб» — небольшая, но емкая повесть. Автор назвал свое произведение рассказом, но оно мне кажется именно повестью. Меньше всего оно подчинено законам обычного сюжетосложения. Люди появляются в нем, живут и уходят.

Недолго, но памятно живет, например, в повести Микола Кужелевич, веселый, чубатый парень, о таком парне белорусский поэт Янка Купала и говорит в стихах:
«Как я силы наберусь,—
Все смогу.
Эти стихи для Микола —
привет, и наказ, и поддержка советской Отчизны, трагически отделившейся по границе. Пожалуй, Микола Кужелевич и был

первым учителем пастушонка Даника Мальца.
«Он, Даник друг, Микола Кужелевич показал панам большой сложный язык, а у него было написано то, что называется таким необыкновенным и должно быть, очень могучим словом — протест... Не хотим мы... порядков таких, когда на нашего брата глядят как на скотину, когда каждый может ткнуть тебя ногой, как свиною лапой... Мы заявляем протест!»

Так сказал панам Микола, и не опустится больше его сильная мужская рука на светловолосую голову мальчишка с лаской, напоминающей отцовскую руку.
Отец погиб в войне с панями. Мать бегает в сиротстве. Даник грызет белую русскую захачную под властью панов деревеньку, полицейские тащат мужиков за «протесты» в участок, томится в тюрьме молодой друг Даника, добрый и умный Микола Кужелевич, и плачет жалеяка старого пастуха Микиты над белорусской неделей.

И горше всего, что отнял у белорусов язык.
Даник учится в школе. За партами белорусские дети, а учат по-польски. Польская грамота, польские книги — панский режим. Тоска по родному языку, и рядом, естественно, люта ненависть к панам. И. может быть, из-за панов Даник возненавидел бы и польский язык, если бы не

появилась в школе пригожая, ласковая, умная учительница-полька, панна Марья.
Мне впервые пришлось прочесть о такой учительнице, вернее, о такой роли учителя в жизни ребенка. Автор не вкладывает в старшую и назиданий в уста панна Марья, но именно она делает великое дело, внушая белорусским ребятишкам: есть польские паны и есть польский народ, прекрасный родной язык, не прожить без него, но чужой язык тоже прекрасен. Пусть живут все народы и все языки!

Нет, панна Марья не делает вслух таких выводов. Их вместе с Даником Мальцем сделал читатель.
Каждая сцена в повести, хоть далеко не все страницы в ней равно выразительны, оставляет ощущение правды.

Повесть — заброшенная белорусская деревенька в осаде панских полей и лугов, правда — мечта белорусов о Родине, тоска о родном языке. Правда в этой повести — и обязательный облик учительницы, и завет ее белорусскому мальчишке, польскими словами написанный на титульном листе польской книги: «Данику Мальцу, моему светловолосому мальчишке, что дождался светлой жизни...»
Еще плачет в повести грустной песней пастушечья жалеяка, а мальчик читает, набирается сил.

М. ПРИЛЕЖАЕВА

КАМНИ

Ничем не приметный, на севере Минщины
Раскинулся тихий лесистый район.
Прошло, промелькнуло там нивами нищими,
Густыми шабонами детство мое.
Одним только славился край тот — камнями.
Или черт их насыпал там столько, или бог.
Когда бы собрать их — возили б годами,
Хватило б для всех белорусских дорог.
Земля без камней, плодородная — где ж она?
Очищили — весной повывозят опята.
Картонки с камнями была перемазана,
И в хлеб ухитрились они попадать.
Господню карой, суровой, чем засуха,
Всегда они были для наших отцов.
Любитель припрятывать камень за пазухой
Тут мог бы набрать их на десять веков...
Лет тридцать назад это, помнится, было:
Один кулачина собрал голытьба:
«Что, скушно! — и морду усмешка скривила. —
Давайте-ка, братцы, устроим гурьбу!»
Созвонте ко мне свои камни проклятые,
А я вам — горилки, пируй до зари.
Конюшню сложил он, амбарты богатые,
Сердилась люди: и тут обдурил.
И снова лежала земля, будто хворая,
Один разве справившись с ликом таким?
Я вспомнил давнишнюю эпоху историю,
Когда проезжал по местам дорогим.
С участков колхозники камни свозили,
Гревели тяжелые грузовики.
Строения просторные тут возводили,
Видать, на столетия, — красивые, крепки.
И старый и малый трудился на зависть.
Впервые не клял свою пашню народ:
«Никто попрукнут нас не может, — смеялись, —
Что кинули камень в нас в свой огород».

Перевел с белорусского Петр СЕМЫННИН

Иллюстрация художника Ю. Пучинского к роману В. Карпова «За годом год», выходящему белорусским государственным издательством.

БЕЛОРУССКАЯ советская литература — одна из крупнейших литератур нашей страны.

Великая Октябрьская революция освободила творческую энергию белорусского народа, который выдвинул десятки талантливых художников. Произведения лучших писателей республики известны не только в Советском Союзе, но и далеко за его рубежами.

Показателем успехов белорусской литературы может служить прошедший 1956 год. Центральное место в нем заняли три крупных романа: В. Карпова «За годом год» — о людях, поднимающих из руин белорусские города, И. Шамякина «Криницы», где показана жизнь современной деревни, и П. Бровки «Когда сливаются реки», посвященный дружбе советских народов.

К этому надо прибавить первую пьесу известного прозаика И. Мельника «Пока молоды», рассказы Янки Брыля, Я. Скрыгана, повести А. Куляшова, В. Шаховца, Р. Соболенко и др. Поэтические сборники и многочисленные стихотворения опубликовали поэты как старшего, так и младшего поколения. Заметно оживление в критике и литературоведении. Четыре автора из Белоруссии были премированы на Всесоюзном конкурсе киносценариев.

Белорусское государственное издательство подготовило к печати произведения, которые долгое время не публиковались. Это издания или в скором будущем выйдут в свет произведения Т. Гартного, М. Чарота, П. Головача, А. Александровича, А. Звоника, М. Хведаровича и др.

1957 год начал новыми интересными произведениями — лирической повестью И. Шамякина «Неповторимая весна», романом Т. Хадкевича «Даль полевая», повестью В. Витки для детей «Ангусто лето».

Но, разумеется, белорусские писатели не удовлетворены состоянием дела в своей литературе. Немало еще публикуется произведений слабых, поверхностных, неотработанных. Отгорчилось снизилась творческая активность белорусских драматургов.

Разнообразие сегодняшней белорусской литературы не позволяет сколь угодно полно сказать о ней на одной газетной странице. Мы выбрали лишь некоторые явления, о которых и рассказываем...

Маня ТАНК
Л А - М А Н Ш
(Из цикла «Стихи с дорож»)
Ля-Манш!
Я у географов не буду отнимать
Их право дано пролива измять
Согласно земным координатам.
Но это все в энциклопедии нейти
Легко и просто в том двадцать пятим
Или в другом... Опять рассвет в пути.

Ля-Манш, воспетый множеством поэм,
Сегодня тих. Он не мещает тем,
Кто берег Англии засыпал стремитам,
И тем, кто, наклонившись над страницей,
Стерла лентой заносит в свой блокнот
О зарубежном путешествии отчет.
Он вспоминать не помешал и мне
О незабвенной отчий стороне.

Сейчас у нас пастух скликает стадо.
В осенний миг лугов ворвался гул трубы.
И девушки идут в чащобу по грибам,
И тропки занесли метелью листопада.
Кружатся листья, словно птички перья,
Среди берез, орешин и осин.
Мать на крыльце стоит в проеме двери
И смотрит вдал, туда, куда ушел сын...

А с поля везет чуть прогорклым дымом,
Костры в тумане среди жнивья горят.
Истуря кулеца знакомый аромат...
Как близок, как далек тот край
невосторимый!

Нет, я не смог бы продолжать маршрут,
Глядеть на то, как облебе плянуть,
И слушать асли дончичью саги,
Когда б в чужом провале в ранней часе
Не осеял с высокой мачты нас
Багрянец
твоего, Отчизна,
стыга!

Перевел с белорусского
Львов ХЕЛЕМСКИЙ

Сегодняшний день белорусской критики

Только в литературе, достаточно развитой и занимающей в культуре народа заметное место, возможна настоящая критика — ведь она всегда опирается на опыт художественной практики и, конечно, в свою очередь способствует дальнейшему развитию литературы.

Д. ПОЛИТКО

Верной приметой расцвета белорусской советской литературы можно считать то, что в республике выросли и активно действуют кадры литературоведов и литературных критиков.

До Октябрьской революции в белорусской литературе почти не было своих критических работ. Профессиональная белорусская литературная критика выросла уже в советское время на основе марксистско-ленинского мировоззрения, на основе новой, материалистической эстетики, выросла в годы бурного расцвета белорусской литературы и становления в ней метода социалистического реализма. Опираясь на свое идейное превосходство, она выстояла в жестокой борьбе с буржуазным национализмом, с чуждыми народу и литературе направлениями в области идеологии и эстетики.

Сегодняшний день белорусской критики

Только в литературе, достаточно развитой и занимающей в культуре народа заметное место, возможна настоящая критика — ведь она всегда опирается на опыт художественной практики и, конечно, в свою очередь способствует дальнейшему развитию литературы.

Верной приметой расцвета белорусской советской литературы можно считать то, что в республике выросли и активно действуют кадры литературоведов и литературных критиков.

До Октябрьской революции в белорусской литературе почти не было своих критических работ. Профессиональная белорусская литературная критика выросла уже в советское время на основе марксистско-ленинского мировоззрения, на основе новой, материалистической эстетики, выросла в годы бурного расцвета белорусской литературы и становления в ней метода социалистического реализма. Опираясь на свое идейное превосходство, она выстояла в жестокой борьбе с буржуазным национализмом, с чуждыми народу и литературе направлениями в области идеологии и эстетики.

Важнейшей проблемой родственных связей белорусской литературы с русской литературой посвящены монографиче-

Сегодняшний день белорусской критики

ские работы М. Климовича «О животворном влиянии русской литературы на белорусскую литературу» и В. Ивашина «М. Горький и белорусская литература начала XX века». Они, пусть не исчерпывающе, обобщают многолетние изыскания республиканских литературоведов и критиков. Однако, на наш взгляд, обеим работам недостает и теоретической глубины, и широты взгляда. Они уходят за пределы литературы. Обе книги страдают декларативностью многих положений. Идеологичность и тематическую общность белорусской и русской литературы авторы рассматривают в узко литературном плане, зачастую лишь по внешнему, тематическому сходству, формально, что порой приводит исследователей к неточностям и ошибкам по существу. Перед литературоведами республики — еще огромное поле работы над этой проблемой.

Истение два года после Второго всесоюзного съезда писателей отмечены в белорусской критике усилением внимания к анализу художественного мастерства произведений, жанровой специфике, своеобразия художника, особенностей национальной формы. Так, в статьях Г. Березкина о лирике А. Куляшова и П. Панченко показано общественное звучание лирического творчества этих поэтов и дан анализ художественных особенностей, национальной специфики и предложения лучших традиций советской литературы в их поэзии. К сожалению, надо отметить, что Г. Березкин в статьях о стихотворениях В. Явдана, С. Деряги и знаменитого поэта В. Короткевича, написанных в «Литературе и мастацтвах», указывает односторонним анализом формы в отрыве от общественного содержания произведения. В результате эти его статьи, может быть, волье автора, имеют явный привкус эстетства.

Сегодняшний день белорусской критики

Вопросы стиля и жанрового своеобразия белорусской литературы интересно рассматриваются в статьях А. Адамовича «Стиль и творческое направление» и Я. Казеки «Кузьма Чорны — сатирик».

Больше всего наших критиков последних два года занимала проблема положительного героя, проблема художественного утверждения нового в жизни. Это несомненный признак того, что белорусская критика чувствует коренные потребности литературы, понимает, что должна помогать литературе прежде всего в эстетических решениях ее идейно-воспитательных

Сегодняшний день белорусской критики

задач. Однако даже такие значительные статьи, как «Герои и народ» и «Герои нашего времени» Я. Герциной, «Характер в рассказе» Р. Шкрабы, «Адрес поэзии» Б. Бурына, «Дальше от проторенных дорог» А. Кучара и другие, ставящие на конкретном материале вопрос о положительном герое современности, о роли народных масс в истории, еще нельзя считать большим успехом. Им недостает стратегного и возволающего анализа жизненных фактов, эстетическое осмысление писателей в романах и повестях, поэмах и стихах. Нет в этих широких параллелях и сравнений с явлениями русской литературы и других литератур народов СССР и уж совсем нет сопоставления с творчеством прогрессивных зарубежных писателей.

Мы не подылись еще в своих критических статьях до больших теоретических обобщений, до глубокого понимания многосторонности связей нашей литературы с жизнью советского общества и ответственности писателя и критиков за плодотворность этих связей. Есть работы, страдающие налетом социологизма, не раскрывающие эстетической и общественно-воспитательной сущности произведений литературы, не подтверждающие их проницательному художественному анализу.

Сегодняшний день белорусской критики

Совсем недавно А. Адамович и Н. Перкин выступили со статьей «Заметки о белорусской литературе наших дней» в журнале «Дружба народов». Эта статья дает читателям довольно обстоятельное, но не во всем правильно представленное по последовательности белорусской литературы. Нельзя, например, согласиться с оценкой романа «Свет над Лиском» М. Писельникова в «Восточном журнале». И. Шамякина повесть «Визитки» Т. Хадкевича. Авторы признают, что в этих книгах «позируется труд честных советских людей и делаются попытки осмыслить кое-какие темные стороны жизни деревни». Но во всех названных произведениях они видят прежде всего «более чем заметную печать лакировки, ложной идеализации действительности». Между тем именно в изображении пафоса труда, в утверждении колхозной жизни и состоит достоинство этих произведений. Нам кажется, что ближе к истине был А. Фадеев, который серьезно критикует самое слабое из этих трех произведений — роман М. Голубовича, все же увидел и в нем «замечательные жизненные характеры», «интересные, своеобразные, цельные» образы советских людей.

Сегодняшний день белорусской критики

Односторонность общего взгляда А. Адамовича и Н. Перкина сказалась и в оценке сложных процессов, протекающих в сегодняшней белорусской литературе. Выяс за критерий достояния литературы творчество произведения В. Овечкина и В. Тейдрякова и применит этот критерий к белорусской поэзии, они увидели в ней наступление периода «определенной внутренней подготовки». Далее авторы пишут: «Куль личности причинил немало вреда коммунистическому строительству. Но в годы его господства жизнь шла своим чередом, лучше представляли партия человек служил «делу» не лицам, и все это поэта нужно заново осмыслить, переварить, поднять над пережитым, не отбрасывая его. Что это означает? Что нужно заново осмыслить и переварить? Право же, следовало определить это четко и конкретно, не ограничивая туманной формулировкой, допускающей любые толкования.

Первые плоды такой «внутренней перестройки» они увидели в новых сатирических стихотворениях П. Панченко, во все характерные для его творчества. «Последний цикл стихов П. Панченко... («Родина», «Приспособленцы», «На планете у нас...», «Девушка обманет...» и другие), — пишут они, — показывает, что внутренняя подготовка белорусских поэтов к серьезному, откровенному разговору о том, что волнует сегодня каждого, уже дает первые результаты. Вряд ли здесь необходимость комментировать приведенные решения партии и правительства, направленные на улучшение жизни народа, вызвали повсеместно невиданную творческую активность и инициативу среди тружеников фабрик и заводов, шахт и колхозных полей. Этот творческий порыв разделяют и писатели Советской Белоруссии. И если уже указывать на характерные признаки внутренней жизни нашей литературы, то следовало бы назвать романы И. Шамякина «Криницы» и П. Бровки «Когда сливаются реки», рассказы Я. Скрыгана «Контролер» и Я. Брыля «Сиротский хлеб», упомянуть о гражданской лирике М. Тарна, того же П. Панченко, К. Киреевко, А. Велевича, талантливого поэтического молодого, указать на оживление литературной критики.

Сегодняшний день белорусской критики

Хотелось бы отметить, что в белорусской литературной критике все более успешно освещаются вопросы истории литературы. Свидетельство этому —

Сегодняшний день белорусской критики

монографии С. Майхровича о Дунине-Марцинкевиче и Я. Лучине, Л. Арабей о поэзии А. Тетки, статья М. Ларченко о реализме в белорусской литературе XIX века и т. п. Исследование прошлого не может быть для нас самоцелью, оно должно помогать нашему общему делу, развитию нашей литературы. Нам следует сочетать изучение истории литературы с важнейшими проблемами теории и практики литературы социалистического реализма. Но то что у нас нет такого планового соотношения. Мы еще слишком часто вынуждены отмечать уход белорусских литературоведов и критиков от вопросов современности в историю, в отдаленное прошлое. Эта тенденция выражена и в ряде статей, ставящих задачи перед литературоведением и критикой. В. Борисенко и Ю. Пширок в статье «Неотложные задачи нашего литературоведения» писали, что главная задача, без которой нельзя двигать вперед развитие национальной культуры, — это подготовка кадров текстологов для научного издания художественных текстов. Через некоторое время Ю. Пширок снова выступил с призывом изучать историю литературы, а еще через три месяца его поддержал М. Ларченко в статье «Некоторые вопросы истории белорусской литературы». Может создаться впечатление, что самой неотложной задачей современной белорусской критики и литературоведения действительно является погружение в историю, что от этого зависит решение всего комплекса проблем теории и практики белорусской современной литературы.

Упомянутая статья М. Ларченко требует разговора и в другой газете «Звезда» историк Л. Абецдарский и А. Сидоренко. М. Ларченко поднимает спорные вопросы о литературном наследстве А. Гаруна, К. Каганца и Явдана III, не соглашается с установившейся оценкой газеты «Наша нива» как органа, служившего белорусским буржуазным националистам.

Сегодняшний день белорусской критики

Слабость статьи М. Ларченко состоит в том, на наш взгляд, что поднимая вопрос о литературном наследстве А. Гаруна, К. Каганца и Явдана III, он сам не проявляет и не требует критического отношения к их творчеству и к их деятельности. В статье не подчеркивается и не находит правиль-

ной оценки, например, тот бесспорный факт, что А. Гарун и Явдана III в решающие дни борьбы белорусского народа с белополяками оккупантами оказали по ту сторону баррикад и жизнь свою нувчили в эмиграции, в панской Польше. Задача же состоит в том, чтобы правильно оценить их литературное наследие, учитывая политическую позицию писателей, и потом уже определить, нужно ли выбирать что-то из их творчества для переиздания и публикации, тем более, что еще никто, в том числе и М. Ларченко, не доказал, что те или иные произведения этих писателей имеют несомненное и непреходящее историко-литературное и эстетическое значение. Если бы вопрос был поставлен так, против него вряд ли можно было бы возражать. Эти разделы в статье М. Ларченко действительно заслуживают суровой критики.

Но в статье М. Ларченко содержится не только необоснованное предложение переосмыслить некоторые историко-литературные факты. В ней были подняты разные вопросы современного состояния литературоведения и критики, заслуживающие серьезного внимания. Поэтому мы не можем согласиться с «проборочным» тоном выступления Л. Абецдарского и А. Сидоренко.

Стремление белорусской литературной критики идейно-остро, по-боевому поставить вопросы развития родной литературы не всегда реализуется достаточно успешно. Но было бы неверным на основе промахов нашей критики умалить ее положительное влияние на литературную жизнь в республике. Еще сравнительно недавно в писательской среде ощущалась тенденция противопоставлять критику и «подлинное» литературное творчество. За годы, прошедшие после Третьего республиканского и Второго всесоюзного съездов писателей, много сделано для правильного понимания огромной роли литературной критики для укрепления творческого сотрудничества между критиками и писателями-художниками Белоруссии. Вырос авторитет критики, повысилась к ней внимание и уважение, стороны и писатели и читателей, четко определились ее дальнейшие пути и богатые возможности.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 32 14 марта 1957 г. 8</

«СКОРЬ» ЛИЦЕМЕРОВ

Еще Ромэн Роллан писал, что те, кто говорит о скорби, не те, кто страдает. Эти слова приходят на ум, когда читаешь сообщения о происходящем в Вашингтоне обещания «проблемы воссоединения Германии в связи с безопасностью в Европе».

Действительно, если речь идет о воссоединении Германии, то, как всякому понятно, в переговорах должны участвовать представители немецкой западной и восточной части страны, поскольку они в первую очередь страдают из-за раскола страны. Однако за столом переговоров, открывшихся 6 марта в Вашингтоне, заседали дипломаты четырех западных стран — США, Англии, Франции и Федеративной Республики Германии, так называемая «сборная группа». «Скорь» этих господ более чем сомнительна. Еще до открытия совещания все вопросы, стоящие на повестке дня, были обсуждены и решены государственным секретарем США Даллесом и его западногерманским коллегой фон Брентано.

О чем же договорились Даллес и фон Брентано? Лучший ответ на этот вопрос дает западногерманская газета «Вестфалише рундschau»: «Оба министра иностранных дел пришли к согласию в том, что в вопросе воссоединения пона не будет ничего предприниматься».

Но для чего же тогда созывать «рабочую группу», да еще широкоулыбно объявлять, что цель ее — изучение «специальных проблем объединения Германии»? Ларчик открывается просто: в ФРГ предстоят выборы в бундестаг. Военские лидеры стараются сейчас набить политический капитал, выставив себя перед избирателями добродетельными объединителями Германии. Вашингтонское совещание должно помочь им в этом.

Поскольку проблемой объединения Германии участники совещания занимаются меньше всего, естественно, возникает вопрос: что же составляет главную тему переговоров? Речь идет о дальнейшем усилении связей ФРГ с НАТО и увеличении ее роли в этой агрессивной группировке. Правда, это полностью исключает возможность объединения Германии, но участники восточногерманских переговоров и их высокие начальство это не волнует, ибо, как отмечает уже цитировавшаяся газета «Вестфалише рундschau», боинское правительство «...так же мало заинтересовано в воссоединении, как и политические деятели США». Соответственно этому подобран и состав участников восточногерманских переговоров. От госдепартамента переговоры ведет Джейк Бим, работавший в посольстве в Москве и ставший в США «специалистом по России». Федеративную Республику Германии представляет Вилгелм Гресе. Во времена Гитлера Гресе считался одним из идеологов фашизма и был видным нацистским чиновником. Когда германо-фашистские дивизии вторглись в СССР, Гресе приветствовал фашистский разбой как «реальное решение». Какие «реальные решения» замешают теперь Гресе и К° в Вашингтоне?..

Но терять чувства реального, агентству Юнайтед Пресс передали в связи с восточногерманскими переговорами следующее сообщение: «В официальных кругах предупреждают, что здесь не ожидается никаких позитивных результатов» ни от совещаний рабочей группы, ни от визита Брентано».

Мы вполне согласны с этим предупреждением, но зачем же, господа, было огорчать родителю И ребенку ясно, что нельзя решать германский вопрос на сепаратном совещании четырех чиновников без представителей народов и стран, непосредственно заинтересованных в этой острой, сложной и важной проблеме. Заниматься же политиканством вокруг столь серьезного дела немцев вопроса, как воссоединение их родины, значит не уважать немецкий народ.

А. ШТИЛОВ

ФИЛОСОФИЯ ДЕЗЕРТИРСТВА

Выходящий в Варшаве еженедельник «Нова культура» опубликовал статью польского писателя Анджея Брауна «Против жертвенности, или о гоздях». В этой статье автор высказывает свою точку зрения на проблему «самопожертвования и посвящения себя в последние годы». По мнению Анджея Брауна, социалистическая литература «...как философия пренебрежения человеком, к зачеркиванию его прав, к духовному, санкционированному антигуманизму, к толкованию человека, как вещества, строительного материала».

В подтверждение этих своих выводов, которые следует назвать по меньшей мере необоснованными (если они не связаны с прямым стремлением представить истину в искаженном виде), автор ссылается на примеры, взятые из советской литературы. Анджей Браун пишет: «...Самопожертвование человека — это наиболее характерное течение в литературной тематике, это символическая и наиболее показательная тема в литературе. Тихонов в «Блуде и гоздах» велит людям, независимо от их стремлений и чувств, идти и бесловесно утонуть в море, утверждая, что эти люди, «как гозды», лучших гоздей не найти во всем мире...» В ряду этих героев, борющихся «независимо от их стремлений и чувств», оказываются у автора статьи и Павел Корчагин, и Маресьев, и Матросов, и Павлик Морозов. Все они, согласно Брауну, зарезаны принципом «отказывания человеческой жизни как жертвы подчинения более важному делу, принципа по существу антигуманистического».

Характер защиты «гуманизма» в статье Анджея Брауна не может не вызвать возражений. Мы публикуем сегодня письмо Александра Парниса, адресованное автору статьи «Против жертвенности, или о гоздах».

Я не могу выносить философию шкурничества в любой ее разновидности. В этой философии есть что-то отвратительное, что-то бесчеловечное. Шкурничество — это дезертирство, отказ от основного назначения человека, то есть от движения вперед, от жестокой борьбы со всем, что мешает этому движению. Это — чувство, идущее от отчаяния, от мрачного отчаяния труса, который не имеет или потерял способность ходить прямо и ползает на четвереньках.

Но человек не хочет жить на четвереньках и всегда стремится к лучшему, и это его сознательное стремление к лучшему есть наиболее яркое выражение его человечности. Проходя сивоз века, человек ведет непрерывную борьбу с природой, которая прачет от него свои тайны (шеся потери в этой борьбе), борется с угнетателями, которые лишают его свободы (неся потери и в этой войне), и создает в этом процессе свои моральные нормы, свои законы общественного поведения. Именно в этом движении, в этой борьбе люди нередко жертвуют своей жизнью, то есть совершают по моему мнению, Анджей Браун, «что-то отвратительное и противестественное для человека, что-то противное».

Я прочитал это возмущительное утверждение, прочитал всю статью и не поверил своим глазам.

Удивительно, как меняются некоторые люди. Два года назад в Варшаве на Всемирном фестивале молодежи я познакомился с писателем Брауном. Вообще эти дни в Варшаве были чудесными днями. Польша была очень гостеприимна, очень ласкова и ко мне, и к приглашенным из других стран. Очень скоро мне стали близки и понятны те талантливые люди, их способность обсуждать вопросы, их чувствительность к тому, что волнует наш мир сегодня, их стремление объяснить все объективно. Мне понравился их особенный тонкий юмор, — я сказал бы, чисто польский юмор. Природу и корни этого юмора начинаешь лучше понимать, переставая мысленно полную бурю историю польского народа.

Браун, молодой писатель, автор популярной книги о кораблестроителях «Леванты», был одним из таких людей. Я вспоминаю, с каким интересом он расспрашивал меня о Греции, о ее борьбе и о ее героях, таких героях, как Никос Велонизиос. Но вот передо мной стоит, кажется, совсем другой человек, который заявляет: «...Мне кажется, что мы редко бывали искренними, но зато мы постоянно бываем опутаны красиво звучащими теориями, которые окончательно окурманивают наше сознание до такой степени, что мы готовы

с блаженной улыбкой глотать пылающие угли и спать на ножах. В результате где-то под грудой благородных лозунгов, принципов, стремлений, мечтаний и т. д. погибает нормальное, действительное стремление к счастью...»

Очень общее и туманное утверждение. Не хватает примеров, чтобы стало ясно, о каких теориях идет речь, чтобы начать спор по существу. Ведь существуют теории и теории, как существуют разные улыбки. Например, улыбка Фучика и Белоглиба и их идеи. Может быть, эти двое не были искренними? А миллионы людей, сражавшихся с фашизмом в последней войне, может быть, тоже не были искренними, провозгласив лозунг — «Свобода или смерть», благородный лозунг и зная их борьбу? И каков был результат жертв, принесенных во имя этого?

В результате жизнь победила смерть, победили, а не погибли естественные, действительные стремления к счастью у человека.

Человек, который на четыре года лишился тепла отцовского дома и любимого труда, человек, который отказался от многих красивых вещей и подавал в себе многие чувства и желания, делал это добровольно, не думая, как это делали «варварские мозги первых христиан», что за все эти жертвы в этом необходимом и средстве, с помощью которого он достигнет своей гуманной цели, возвратит себе все то, что отнял у него фашизм. Человек победил — и это было его великое достижение и радость действительно благородного порядка. Человек был строителем, творцом этой великой победы, а не строительным материалом.

Из всего этого вытекает, что существуют благородные лозунги и идеи и защита их является необходимой предпосылкой к тому, чтобы восторжествовала правда человеческих чувств.

Но победа предполагает борьбу, а борьба требует в определенных условиях и самопожертвования. И призывая к отказу от самопожертвования, хотите вы этого, Анджей Браун, или не хотите, вы призываете нас к отказу от борьбы в защиту этих чувств, другими словами, предаете эти чувства.

Но люди нашего времени в подавляющем большинстве своем отказываются принять эту норму. Это показывает история нашего века, история любой страны, в том числе, конечно, и Польши. Достаточно бросить взгляд на эту историю, чтобы убедиться в том, что характерной чертой нашей эпохи великих свершений является чувство самопожертвования, и нет ничего удивительного, нет никакой мистификации в том, что в «так называемой социалистической литературе», как вы ее называете (и не только в ней, но и вообще во всей прогрессивной литературе нашего времени), тема самопожертвования является самой распространенной темой. И чем «виновата» здесь литература? Жизнь, которую она изображает, действительно такова. Жилы и живут такие люди, как Корчагин и Маресьев, Матросов и Зоя, Вапцаров и Пери, Красный и Савицкий, и столько других прототипов, которые служили конкретными идеями и направлениями, а не

«бог весть каким целям», как вы говорите в вашей статье. Литература, которая воспевает таких людей, которая их не забывает, как раз и является литературой, которая уважает человека и его деяния, признает за ним великое право уметь других, влиять на других. И наоборот, та литература, которая не признает, замалчивает или ошибочно истолковывает их борьбу, — эта литература ведет к зачеркиванию прав человека, к антигуманизму.

Нет, это не ошибка и не порок прогрессивной литературы, когда она создает образы людей, жертвующих собой для других, во имя общего правого дела. Ее недостаток в другом: в том, что она часто еще не показывает эти образы во всей их человечности. Но это тема для другого разговора, и любая статья на эту тему, даже самая требовательная, очень желательна, только с одним условием — что она будет начинаться словами: «Я люблю человека, который умеет жить и умереть за правое дело». (Почему вас страшит слово «дело», когда вся наша жизнь есть дело, деяние?)

И как можно не любить такого человека? Встреча с ним, в жизни ли, в книге ли, всегда приносит большую человеческую радость — чувствуешь, что вокруг тебя живут настоящие люди — честные, сильные, готовые броститься в огонь, чтобы защитить другого от несправедливости. Именно эти люди являются шитом от подлоцов, от тех, которые «выше всего» ставят собственную жизнь и готовы совершить любую подлость ради своей шкуры. А таких подлоцов ходит вокруг нас немало. Это они способны превратить любую идею в свою противоположность, это они смотрят на людей, как на строительный материал их собственного благополучия.

И нет более истинного, более человеческого чувства, чем ненависть к ним, чем желание бороться с ними, стать «воздем», который пригвоздит их к позорному столбу. Побольше таких «воздей», побольше несен о них! Литература, которая воспевает их, воспевает по существу естественную, вечную необходимость людей думать злу, расчищать путь силам добра. Нил Горького очень удачно выражает эту необходимость: «...Тому — помешать, этому — помочь...».

Единственно, что нужно хорошо уяснить для себя, — кому именно следует помогать и кому мешать, то есть ясно и точно ответить на вопрос: «С кем вы?».

Я знаю, что в наше трудное время, наполненное столькими событиями и впечатлениями, есть немало людей, особенно среди интеллигенции, которые затрудняются, не хотят или избегают ответить на этот вопрос. Многие из них производят впечатление людей, очутившихся в бурю на палубе корабля. Их шверты из стороны в сторону, и стремясь подняться на ноги, они хватаются за что попало. Спорить с людьми, которые находятся в таком состоянии, по меньшей мере бесполезно. Им нужно подать руку и помочь как можно скорее подняться на ноги. Я знаю, что в Польше многие тысячи, миллионы людей твердо стоят на палубе. Я уверен, что эти люди помогут и вам понять, что философия, за которую вы ухватились сейчас, очень опасная философия для писателя, который по рогу своей работы обязан посвятить себя обществу, человечеству. Это философия, враждебная человеку. Каким бы искусственным ароматом она ни окутывалась, она не может скрыть свой тяжелый скотский запах.

Наше время не выносит подобной философии. Оно встает против нее.

Александр ПАРНИС,
греческий поэт

После Альберто Моравиа и Карло Леви в Москву приехал автор широко известных на родине и за ее пределами романов «Капутти», «Кожя», «Проклятые тосканцы» и других произведений итальянский писатель Курцио Малапарте.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Курцио Малапарте: ПРОДОЛЖАТЬ ДИАЛОГ...

Он хотел провести у нас месяц и больше. Хотел ездить по стране, знакомиться с людьми и городами, писать очерки, собирать материал для задуманной им книги. В Москве он пробыл два дня. Прежде чем начать свою поездку по Союзу, Малапарте вылетел в Пекин на празднование юбилея Лу Синя.

Живой, порывистый, стремительный, совсем молодой в свои пятьдесят восемь лет — таким запомнил Малапарте те, кто в октябре видел его в Москве. Мы ждали его возвращения к ноябрьским праздникам. Но он не приехал. Тяжелая болезнь наложила приколало его к больничной койке. На днях Малапарте прилетел из Пекина в Москву; он возвращается на родину в сопровождении китайских и итальянских врачей. Малапарте решил задержаться в Москве на день.

— Пусть те, кто выступает против нашей дружбы, — сказал нам Малапарте на аэродроме, — не думают, что болезнь помешает мне встретиться с советскими писателями.

Вечером мы посетили Малапарте в гостинице.

Несмотря на утомительный для него перелет, он согласился ответить на несколько наших вопросов.

— Как встретила вас Москва?

— Я рад, что снова увидел Москву, город, в котором я, к глубокому моему сожалению, прошлой осенью провел всего два дня. Есть нечто прекрасное и возбуджающее писателя в московской осени. И сегодня, когда я вновь приехал в этот великий город после трех месяцев, проведенных в больнице, мне радует встреча с Москвой. Здесь я как дома.

— На Западе в последнее время нашлись люди, которые проповедают отказ от диалога между Западом и Востоком. Что вы думаете о подобных утверждениях?

— Поступать так — значит совершать не ошибку, а преступление. Народы хотят, чтобы диалог продолжался. Тот, кто посмет взять на себя ответственность за прекращение диалога, пойдет против воли народов мира. Сама цивилизация — лишь результат долгого братского, открытого сотрудничества между народами. Кто же с легким сердцем возьмет на себя ответственность за разрыв той непрерывной нити, которая связывает всю историю мировой цивилизации?

— Что вы думаете о прошедших последние первое посещение Москвы событиями мирового значения?

— За время моей болезни — здесь я должен отметить, что китайские врачи отнеслись ко мне с братской любовью и привязанностью, — в мире произошли тяжелые события, но в этих событиях я не увидел предлога ни для отказа от своих идей, ни для измены своим друзьям. Если на Западе появились прощелачившие тяжелые события, увидев предлог для измены своим друзьям, то по адресу таких писателей можно только сказать: «Тем хуже для них». За эти полные тяжелых физических страданий месяцы, проведенные в одной из больниц Китая, я, как никогда прежде, осознал, что человек принадлежит к одной большой семье, без которой не может жить; к семье, которая не может жить без него.

Я глубоко ощутил, что сегодня долгом каждого деятеля культуры, к какой бы нации он ни принадлежал, стала борьба за разрушение искусственных преград, разделяющих народы. Цивилизация неделима, и здесь, в Москве, я чувствую себя цивилизованным человеком среди цивилизованных людей так же, как и в любой другой

точке земного шара. Тем, кто скажет, что мир разделен на два лагеря, я отвечаю, что это, быть может, верно, когда речь идет о политике, но культура, цивилизация и чувство человеческого братства нельзя делить на две

части.

Русская культура — неотъемлемая часть единой культуры человечества, и в этом, возможно, заключается важнейшая черта нашего времени. Именно здесь, в Москве, с особой силой познаешь — ничто не отделяет культуру русского народа от культуры, цивилизации и гуманизма других народов.

— Нам известно, что до своей болезни вы начали писать книгу о Китае. Что вы хотели бы сказать об этой книге?

— Во время своей большой поездки по Китаю — я в прошлой от Тяньцзиня до бассейна реки Янцзы — я начал писать книгу. Болезнь вынудила меня прервать и поездку, и работу над книгой, которую я довел лишь до половины. Свою книгу я назвал так же, как называлась старинная пьеса китайского театра, написанная во время Троецарствия (III век нашей эры). Ее китайское название переводится как «Сражение среди сада, в котором ищут красивые плоды». Не буду объяснять значение этого названия, которое станет ясным после прочтения книги.

К своей еще не оконченной книге я глубоко привязан: хочу вложить в нее все свое восхищение китайским народом и всю свою привязанность к нему, к его древним страданиям, к его борьбе, к его надеждам, к его великому духу свободы и справедливости. Покидая Китай, я отправил председателю Мао Цзю-дуну телеграмму, в которой выразил глубокую признательность за помощь, оказанную мне во время болезни. В своей телеграмме я писал: «В октябре прилетел в Пекин другом Китая. Сегодня я уезжаю влюбленным в Китай».

— Вы встречались с председателем Мао Цзю-дуном во время пребывания в Китайской Народной Республике?

— В ноябре прошлого года, когда в Пекине проходило чествование памяти Сунь Ят-сена, я был принят председателем Мао Цзю-дуном. Он встретил меня с предельной простотой и сердечностью. Разумность и открытость сердечности этой беседе я никогда не забуду.

— Намерены ли вы посетить Советский Союз после выздоровления?

— Да, конечно, я по-прежнему твердо намерен осуществить уже давно вынашиваемую мечту. Хочу на полгода уехать в Сибирь, чтобы там написать книгу об освоении целинных земель.

Я хочу рассказать о прибытии в эти места первых поселенцев и о том, как социалистическая цивилизация покоряет необъятные просторы степей. Чтобы осуществить свое намерение, мне потребуются помощь и содействие советских властей, но я уверен, что смогу рассчитывать на такое содействие как в Москве, так и на периферии.

Я написал тридцать книг, но ни одна из этих тридцати книг не была столь обширной, как эта. Сначала мы составили книгу о таких обязательствах, как эта книга, которую я намерен написать о целине. Может быть, книга о девственных землях Сибири будет в то же время книгой, которой, подобно нетронутой целине, чужды обычные компромиссы, унижающие литературу.

Покидая Москву, я хочу через советскую прессу выразить свое глубокое чувство признательности и симпатии к советскому народу.

В «ЕВРАФРИКЕ»

В результате создания «общего рынка» западногерманские монополии получили бы возможность наложить лапу на французские колоннальные владения в Африке. (Из газет)

Рисунок худ. Шмитта из газеты «Берлинер цейтунг»

Проф. Н. ФЕДОГЕНКО

Дружба великих культур

Никогда еще популярность русского языка в Китае не была столь велика, как теперь, в наши дни. В глубинных районах, за Великой китайской стеной, на берегах Янцзы и у подножия Гималайских гор — всюду разнесены песни советских композиторов. Русская речь слышится не только в древнем Пекине, но и в стенах университетов Шанхая, Нанкина, Кантона, Чунцина, Ханькоу, Сианя, в аудиториях и студиях, в учреждениях и частях Народно-освободительной армии.

В высших учебных заведениях Китая русский язык преподается как обязательный предмет. Он также изучается во многих средних школах и техникумах, которые располагают нужным количеством преподавателей русского языка. В Пекинском, Уханьском, Шаньцунском университетах, а также в Университете имени Сунь Ят-сена, в Пекинском педагогическом институте существуют факультеты русского языка. В таких крупных центрах, как Пекин, Шанхай, Чунцин и Харбин, созданы специальные институты русского языка. Только в Пекинском институте русского языка обучается около шести тысяч студентов.

Широко развывается изучение русского языка на курсах и в кружках. Так, например, филиалы Общества китайско-советской дружбы в разных городах и деревнях открыли более восьмидесяти вечерних школ русского языка, где обучается около 15 тысяч человек. При объединении Общества китайско-советской дружбы на предпринятых и в учреждениях было организовано 159 курсов по изучению русского языка, на которых учится свыше 7 000 человек. В Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Нанкине, Чанша, Кантоне, Куньмине и других больших городах налажено изучение русского языка по радио.

После победы народной революции, стремясь изучить передовую науку и технику Советского Союза, китайские ученые и инженеры стараются овладеть русским языком. В настоящее время свыше семидесяти процентов старой технической интеллиген-

ция Китая читает специальную литературу на русском языке.

Прекрасно об этом сказал президент Академии наук Китая Го Мо-жо: «Всячески хорошо налаживая свою работу, то прежде всего отточив свое оружие; только при хорошем изучении русского языка и глубоком овладении им по-настоящему можно черпать ценный опыт Советского Союза в деле социалистического строительства и способствовать развитию дружественной взаимопомощи и культурных связей между двумя великими нашими народами».

А между тем еще совсем недавно, в черные дни гоминдановского мракобесия изучение и преподавание русского языка в Китае преследовалось и запрещалось. В те годы, пишет Го Э-цзюань в статье «Изучение русского языка в Китае», стремление китайского народа к изучению русского языка всячески подавлялось, многих людей преследовали за изучение русского языка. За всяким, кто старался заниматься русским языком, власти устанавливали слежку, предавая ему обвинения в «просветских настроениях».

Хорошо известно, что герои советской литературы вошли в жизнь и быт сынов и дочерей Китая. Еще во времена Великого похода народно-революционных войск роман А. Серафимовича «Железный поток», переведенный на китайский язык профессором Пао Цзин-хуа, был издан многотысячными тиражом.

«Железный поток» был для солдат и офицеров Народно-освободительной армии не просто художественным произведением, он стал учебником отваги и смелости, революционной морали и героизма, вспоминал Линь Цзю-хань, один из старейших китайских коммунистов, участник Великого похода. Воицы Народно-освободительной армии свои первые впечатления и знания о новом, социалистическом мире черпали и черпали именно из художественных произведений советских писателей. И в этом отношении «Железному потоку» принадлежит почетное место.

Мао Цзю-дун в беседе с профессором Пао

Цзин-хуа подчеркивал, что заслуга советской передовой литературы в Китае огромна, ибо она первая дала широким массам китайских читателей ясное представление о социалистическом мире и новом общественном строе, о героизме советских людей в Отечественной войне против фашистского нашествия, о бессмертии народа, о ведущей роли коммунистов в мирном строительстве и в открытых сражениях с врагом.

Полно глубокого революционного смысла и обстоятельности, что книги советских писателей, написанные в годы Великой Отечественной войны, были приняты на вооружение воинами Народно-освободительной армии Китая. Велик был интерес в Отечественной войне против фашистского нашествия, о бессмертии народа, о ведущей роли коммунистов в мирном строительстве и в открытых сражениях с врагом.

Полно глубокого революционного смысла и обстоятельности, что книги советских писателей, написанные в годы Великой Отечественной войны, были приняты на вооружение воинами Народно-освободительной армии Китая. Велик был интерес в Отечественной войне против фашистского нашествия, о бессмертии народа, о ведущей роли коммунистов в мирном строительстве и в открытых сражениях с врагом.

«Железный поток» был для солдат и офицеров Народно-освободительной армии не просто художественным произведением, он стал учебником отваги и смелости, революционной морали и героизма, вспоминал Линь Цзю-хань, один из старейших китайских коммунистов, участник Великого похода. Воицы Народно-освободительной армии свои первые впечатления и знания о новом, социалистическом мире черпали и черпали именно из художественных произведений советских писателей. И в этом отношении «Железному потоку» принадлежит почетное место.

лись, оказывая огромное революционное влияние на народные массы Китая. Командиры освободительной армии, — отмечает Чжоу Ли-бо, — в условиях партизанской войны вынуждены были ограничиваться лишь самой легкой амуницией. А многие товарищи часто бросали и одежду, и даже письма родных, но советские книги они уносили с собой, потому что для них эти книги были важны, как и их боевое оружие».

Замечательные книги советских писателей освещали путь победоносному движению Народно-освободительной армии, служа ее героическим воинам могучей силой — идейным оружием в борьбе за свободу и независимость великого китайского народа.

Ныне советская книга принята на вооружение тружениками китайского города и деревни, чьей энергией создается могучий и процветающий Китай.

«...самое глубокое впечатление, — отметил Чжоу Ян в своем выступлении на VIII съезде Коммунистической партии Китая в сентябре 1956 года, — производит на наше поколение русская и советская литература, которая принесла нам самую большую пользу. Нам и впредь необходимо усиленно учиться у передовой литературы и искусства Советского Союза».

В этой связи важное значение имеют литература и пособия справочного характера, особенно издание русско-китайских и китайско-русских двуязычных словарей.

В последние годы советскими и китайскими лингвистами и лексикографами проделана определенная работа в этом направлении.

В 1935 году в Советском Союзе был издан проф. В. С. Колоколовым краткий китайско-русский словарь по графической системе, включающий важнейшие военные термины. Этот словарь сыграл весьма важную роль в изучении китайского языка в нашей стране и оказывал большую помощь практическим работникам — китайцам. В 1952 году Институтом востоковедения Академии наук СССР был издан очень ценный китайско-русский словарь под редакцией проф. И. М. Ошанина (около 65 000 слов и выражений). Этот словарь вышел в 1955 году вторым изданием, исправленным и дополненным.

В связи с тем, что в Советском Союзе значительно возрос интерес к изучению китайского языка, возникла необходимость в издании русско-китайского словаря. Первой в нашей стране попыткой создания

русско-китайского словаря явился труд коллектива советских лингвистов: Чень Чан-хво, А. Г. Дубровского и А. В. Котова, составивших в 1951 году русско-китайский словарь (26 000 слов). Этот словарь, предназначенный для людей, изучающих китайский язык и занимающихся переводами, получил широкое распространение и выдержал несколько изданий.

Кроме того, в Советском Союзе были изданы также китайско-русские и русско-китайские краткие словари, содержащие специальную терминологию различных отраслей науки и техники.

Все эти словари, не лишённые некоторых недостатков, получили признание и широкое распространение не только в Советском Союзе, но и во многих других странах.

Большая работа по изданию двуязычных словарей проделана в последние годы и китайскими лингвистами и лексикографами. Следует отметить, например, Русско-китайский словарь Го Цзин-тяня. Большой русско-китайский словарь, составленный Шан Яй-цзюнем, Цзан Вань-дином и другими. Этот словарь, содержащий до 90 тысяч слов, вышел в двух изданиях — в 1953 и 1956 годах. Китайскими специалистами были изданы также и другие русско-китайские словари средних и малых размеров.

Значительным культурным событием явился выход в свет в декабре 1956 года в Пекине первого тома Нового русско-китайского словаря. Словарь создан коллективом авторов — составителей: Ван Цзю-шань, Ван Цзю-юн, Ли Цзе-жун, Хаун Чун-пей, Шен Ин, Шен Фэн-вай и Ян Му-чи. Главным редактором словаря — известным знатком русского языка проф. Лю Цзе-жун.

Новый русско-китайский словарь представляет собой весьма ценную работу. В основу его положен Словарь русского языка, составленный С. И. Ожеговым. Как отмечается в предисловии к Новому русско-китайскому словарю, авторы сочли необходимым расширить как словарный фонд, так и разработку значений многих слов и тер-

минов, содержащихся в словаре С. И. Ожегова. В этих целях были использованы Толковый словарь русского языка под редакцией проф. Ушакова, что позволило увеличить количество часто встречающихся фразеологических оборотов, идиоматических выражений, крылатых слов, пословиц, поговорок, устойчивых сочетаний. Почти каждое русское слово и иллюстративная фраза снабжены необходимым грамматическим комментарием.

Авторы широко использовали в качестве справочных пособий многочисленные источники, в том числе Толковый словарь В. И. Даля, Большой Советский Энциклопедический словарь и отраслевые русские словари, различные словари и справочники, изданные Китайской академией наук. Это позволило авторам учесть ошибки и недостатки ранее изданных словарей. В результате этой работы Новый русско-китайский словарь был расширен с 50 тысяч до 62 с лишним тысяч слов.

Словарь снабжен различными справочными таблицами и указателями, помогающими быстро и правильно пользоваться словарем, отыскивать нужное слово, речевой оборот.

Авторским коллективом Нового русско-китайского словаря проделана многосложная исследовательская работа, свидетельствующая о желании наиболее полно и всесторонне раскрыть богатства русского языка, оказать максимальную помощь изучающим русский язык и практическим работникам, облегчить их труд.

Выход в свет первого тома Нового русско-китайского словаря, помимо его большого практического значения, является важным вкладом в дело изучения и популяризации русского языка, в дело дальнейшего развития культурных и научных связей между Китайской Народной Республикой и Советским Союзом.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛИН, Г. ГУЛНА, В. ИВАНОВ, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, В. ОВЕЧКИН, С. СМЕРНОВ, В. ФРОЛОВ.